

От автора

Академик Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) оставил большой след в русской науке и общественно-политической жизни России конца XIX — первой трети XX в. В течение многих лет он был одним из руководителей Российской Академии наук и стоял в центре важных исторических событий.

Нельзя сказать, чтобы личность и деятельность С. Ф. Ольденбурга не привлекала к себе внимания исследователей. Литература о нем довольно значительна, и ее можно разделить на несколько категорий.

Первые серьезные характеристики С. Ф. Ольденбурга как ученого и человека появились в печати в связи с его семидесятилетием, отмечавшемся в 1933 г., и в мемориальных статьях, опубликованных вскоре после его смерти. Статьи эти вышли из-под пера крупнейших ученых, младших современников С. Ф. Ольденбурга, хорошо его знавших — Ф. И. Щербатского, В. М. Алексева, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, А. Н. Самойловича, М. К. Азадовского, Д. К. Зеленина, А. Ю. Якубовского, А. И. Вострикова¹.

Они содержат ценнейшие свидетельства и суждения и чрезвычайно важны для историка науки. Но очень

¹ См.: *Марр Н. Я.* Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882–1932: Сб. ст. Л., 1934. С. 5–14; *Щербатской Ф. И.* С. Ф. Ольденбург как индианист // Там же. С. 15–24 (далее — Щербатской (1934), с указанием страницы); *Азадовский М. К.* 1) С. Ф. Ольденбург и русская фольклористика // Там же. С. 25–35; 2) С. Ф. Ольденбург как фольклорист // Советская этнография. 1933. № 1. С. 15–38; *Зеленин Д. К.* Пятьдесят лет научной работы акад. С. Ф. Ольденбурга // Там же. С. 9–14; *Самойлович А. Н.* Академик С. Ф. Ольденбург как директор Института востоковедения АН СССР // Записки ИВАН. 1935. Т. IV. С. 7–12; *Крачковский И. Ю.* С. Ф. Ольденбург как историк востоковедения // Там же. С. 13–22; *Щербатской Ф. И.* С. Ф. Ольденбург как индианист // Там же. С. 23–30 (далее — Щербатской (1935), с указанием страницы); *Алексеев В. М.* С. Ф. Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов // Там же. С. 31–58; *Востриков А. И.* С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета // Там же. С. 59–81; *Марр Н. Я.* Памяти С. Ф. Ольденбурга // Проблемы истории капиталистических обществ. 1934. № 3. С. 14; *Якубовский А. Ю.* Памяти С. Ф. Ольденбурга // Там же. С. 100–105; *Азадовский М. К.* Академик С. Ф. Ольденбург // Фронт науки и техники. 1934. № 3. С. 29–33. См. также: *Князев Г. А.* Первые годы С. Ф. Ольденбурга в Академии наук (По архивным материалам) // ВАН. 1933. № 2. Стлб. 25–28.

о многом их авторы сказать не могли, — прежде всего это относится к мировоззрению и общественно-политической деятельности Ольденбурга, но также и к некоторым сторонам его работы в Академии наук.

Со второй половины 1930-х гг. на протяжении четверти века в СССР не вышло ни одной специальной работы об Ольденбурге, имя его вообще редко упоминалось в печати. Для сталинской эпохи Ольденбург был прежде всего буржуазным либералом с подозрительным оттенком «космополитизма». Не случайно, по-видимому, не вышли в свет и подготовлявшиеся к печати посмертные издания его работ. Собранные в эти годы вдовой Ольденбурга Еленой Григорьевной ценнейшие биографические материалы, как и ее дневниковые записи, будучи абсолютно «неподцензурными», не предназначались для печати, да и сама такого рода деятельность в сталинское время являлась подвигом.

Известный перелом в отношении к С. Ф. Ольденбургу и его наследию произошел в Советском Союзе в конце 1950-х — начале 1960-х гг. В это время ленинградские синологи приступили к интенсивному изучению китайских рукописей, привезенных Ольденбургом из Дуньхуана, и была предпринята попытка возродить знаменитую серию «*Bibliotheca Buddhica*», издававшуюся с конца XIX в. по инициативе и под руководством С. Ф. Ольденбурга. Имя Ольденбурга появляется в общих трудах по истории русского востоковедения и АН СССР, выходят и некоторые посвященные ему статьи². Для этой частичной советской «реабилитации» Ольденбурга характерны были публикация и популяризация материалов о его встречах с Лениным, что давало повод представить отношения академика с советской властью почти в идилическом свете³.

Завершением этого периода можно считать сборник статей об Ольденбурге, вышедший в 1986 г.⁴ В него вошли серьезные исследования и обзоры, практически исчерпывающая библиография печатных работ Ольденбурга⁵, но также и ряд статей официозного характера,

² Кальянов В. И. Академик С. Ф. Ольденбург как ученый и общественный деятель // Там же. 1982. № 10. С. 97–106.

³ См., в частности: Две встречи (Воспоминания академика С. Ф. Ольденбурга о встречах с В. И. Лениным в 1891 и 1921 гг.) // Ленин и Академия наук: Сб. документов. М., 1969. С. 88–93.

⁴ Сергей Федорович Ольденбург: Сб. ст. М., 1986. 162 с.

⁵ Библиография трудов С. Ф. Ольденбурга / Сост.: П. Е. Скачков, К. Л. Чижикова // Там же. С. 122–153.

из которых тщательно вытравлено все, способное нарушить предустановленную казенную гармонию.

Между тем на Западе еще в 1960-е гг. вышла монография Лорена Грэхема о Российской Академии наук в конце 1920-х — начале 1930-х гг., в которой о роли и позиции Ольденбурга в это время сказано почти все, что можно было сказать на основании данных, когда-либо появлявшихся в печати⁶. В 1977 г. в Париже увидела свет мемуарная книга внучки С. Ф. Ольденбурга, французской писательницы Зои Ольденбург (1916–2002) — интересное, хотя и очень субъективное свидетельство о семье Ольденбург⁷. Обе эти книги рисуют деятельность и облик академика Ольденбурга совершенно иначе, чем официальные советские публикации.

Особое место в «ольденбурговiane» 1980-х гг. занимает превосходная по обилию и яркости материала работа М. В. Баньковской, дочери академика В. М. Алексеева, об Алексееве и Ольденбурге⁸.

Новые возможности для изучения жизни и деятельности С. Ф. Ольденбурга возникли в России после 1987 г. в связи с открытием архивов и снятием цензурных ограничений. Впервые исследователям стал доступен в полном объеме фонд Ольденбурга в Архиве Российской Академии наук. В 1991 г. был наконец издан сборник работ С. Ф. Ольденбурга по индологии, подготовленный еще в 1930-е гг. под наблюдением И. Ю. Крачковского⁹. Серию интересных статей, посвященных С. Ф. Ольденбургу, в частности его отношениям с писателями-современниками, опубликовал академик Г. М. Бонгард-Левин¹⁰. Очень

⁶ *Graham L.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party 1927–1932. Princeton, 1967. XII, 256 p.

⁷ *Oldenbourg Z.* Visages d'un autoportrait. Paris, 1977. 359 p.

⁸ *Баньковская М. В.* В. М. Алексеев и С. Ф. Ольденбург (В высказываниях и характеристиках) // Восточный альманах. Вып. 9. М., 1981. С. 444–548.

⁹ *Ольденбург С. Ф.* Культура Индии / Изд. подгот. И. Д. Серебряков. М., 1991. 278 с.

¹⁰ *Бонгард-Левин Г. М.* 1) С. Ф. Ольденбург как индолог и буддолог // ВАН. 1984. №9. С. 118–127; 2) Индологическое и буддологическое наследие С. Ф. Ольденбурга // Сергей Федорович Ольденбург. С. 29–47; 3) «Друг, посмотри...» // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 215–226; 4) Академик С. Ф. Ольденбург о поэзии К. Бальмонта // Восточная Европа в исторической ретроспективе: Сб. ст. к 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 35–41; 5) «Двенадцать» А. Блока и «Мертвые» С. Ф. Ольденбурга // Бонгард-Левин Г. М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. С. 13–28; 6) Александр Блок и С. Ф. Ольденбург //

компетентная и объективная общая характеристика научной деятельности С. Ф. Ольденбурга дана А. А. Вигасиным¹¹. Опубликованы были материалы первой экспедиции Ольденбурга в Китайский Туркестан¹² и обстоятельно рассмотрена вторая, не менее значительная по результатам экспедиция¹³. Несколько работ посвящены Ольденбургу как исследователю древних культур Центральной Азии¹⁴.

С конца 1980-х гг. на читателя обрушился целый поток интересных и острых публикаций по истории науки и Академии наук в советский период¹⁵. Особое значение имеют издания документов, относящихся к политике советского руководства в области науки¹⁶. Естественно,

Восток–Запад–Россия: Сб. ст. к 70-летию В. С. Мясникова. М., 2001. С. 231–249.

¹¹ Вигасин А. А. С. Ф. Ольденбург // История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 406–415.

¹² Дьяконова Н. В. Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. М., 1995. 300 с.

¹³ Скачков П. Е. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. 1993. Вып. 4. С. 313–320; Меньшиков Л. Н. К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Там же. С. 321–331.

¹⁴ Tyomkin E. N. S. F. Oldenburg as founder and investigator of the St. Petersburg collection of ancient manuscripts from Eastern Turkestan // Tocharian and Indo-European Studies. 1997. Vol. 7. P. 199–203; Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э. Н. Академик С. Ф. Ольденбург — исследователь древних культур Центральной Азии // Памятники индийской письменности из Центральной Азии / Изд. текста, исследование, пер. и комм. Г. М. Бонгард-Левина, М. И. Воробьевой-Десятовской и Э. Н. Темкина. Вып. 3. М., 2004. С. 14–33.

¹⁵ См., в частности: Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Т. 1. М., 1990. С. 163–238; Кольцов А. В. Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // ВИЕТ. 1990. № 3. С. 53–66; Партийное руководство Академией наук // Вестник РАН. 1994. № 11. С. 1033–1041; «Наше положение хуже каторжного» // Источник. 1996. № 3. С. 109–140; Сорокина М. Ю. «Придать... импозантный характер» (К истории 200-летнего юбилея Российской Академии наук) // Природа. 1999. № 12. С. 59–68; Тункина И. В. «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы. Вып. II. СПб., 2000. С. 116–161.

¹⁶ Дело Академии наук 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1–2. СПб., 1993–1998 (оба тома снабжены обширными вступительными статьями Б. В. Ананьича, В. М. Панеяха и А. Н. Цамутали); Академия наук в решениях Политбюро ЦК ВКП(б). 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000.

что имя Ольденбурга постоянно встречается в такого рода документах первых полутора десятилетий советской истории. Важны также публикации дневников и писем академика В. И. Вернадского, в которых содержится много интересных деталей и оценок деятельности С. Ф. Ольденбурга, с которым Вернадский дружил более пятидесяти лет¹⁷. Предметом внимательного и по большей части сочувственного изучения стала идеология и деятельность того дружеского кружка, членом которого с молодых лет был С. Ф. Ольденбург¹⁸. Введены в научный оборот и некоторые материалы из архива Ольденбурга¹⁹. Недавно в Париже вышло подготовленное Г. М. Бонгард-Левиным, Р. Лардинуа и А. А. Вигасиным ценное издание «Переписка востоковедов Парижа и Петербурга (1887–1935)», основу которого составляют письма к С. Ф. Ольденбургу его друга французского индолога Сильвена Леви²⁰. Важна также опубликованная год назад переписка С. Ф. Ольденбурга с его учителем В. Р. Розеном²¹.

¹⁷ *Вернадский В. И.* 1) Дневники. 1917–1921 / Публ. и комм. М. Ю. Сорокиной и др. Кн. 1–2. Киев, 1994–1997; 2) Дневники. 1921–1925 / Подгот. к печ. В. П. Волков. М., 1998; 3) Дневники. 1926–1934 / Подгот. к печ. В. П. Волков. М., 2001; Пять вольных писем В. И. Вернадского сыну / Публ. К. К. // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 7. Париж, 1989. С. 424–450.

¹⁸ *Шаховской Д. И.* Письма о Братстве / Публ. и комм. Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского и М. Ю. Сорокиной // *Звенья*. Т. 2. М., 1992. С. 174–318; *Каганович Б. С.* 1) Люди и судьбы: Д. И. Шаховской, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, И. М. Гревс по их переписке 1920–1930-х гг. // *Звезда*. 1992. № 5–6. С. 16–170; 2) О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства» // *Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли*. СПб., 1997. С. 90–103.

¹⁹ *Серебряков И.* Без ответа // *Огонек*. 1989. № 19. С. 18–19; Непременный секретарь — заступник и хранитель Академии / Публ. и комм. М. А. Сидорова // *Вестник РАН*. 1993. № 4. С. 358–372; *Ольденбург Е. Г.* Из дневниковых записей (1925–1930) / Публ. М. А. Сидорова и Ю. И. Соловьева // Там же. 1994. № 7. С. 638–649; «Молчать долее нельзя» (Из эпистолярного наследия академика С. Ф. Ольденбурга) / Публ. М. Ю. Сорокиной // *ВИЕТ*. 1995. № 3. С. 109–119; *Каганович Б. С.* Академия наук в 1920-е гг. по материалам архива С. Ф. Ольденбурга // *Звезда*. 1994. № 12. С. 124–144.

²⁰ *Bongard-Levin G. M., Lardinois R., Vigasini A. A.* (éd). *Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg (1887–1935)*. Paris, 2002. 303 p. (далее – *Correspondances orientalistes*, с указанием страницы).

²¹ *Переписка В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга (1887–1907)* / Публ. Д. Е. Мишина и др.; примеч. А. А. Вигасина, Д. Е. Мишина,

До сих пор, однако, мы не имеем сколько-нибудь обстоятельной научной биографии С. Ф. Ольденбурга, охватывающей различные аспекты его жизни и деятельности²². Не претендуя на абсолютную полноту, автор данного очерка попытался не только воссоздать по надежным источникам историю «трудов и дней» С. Ф. Ольденбурга, но и понять его как человека, найти ключи к разгадке его личности. Предлагаемая работа не может рассматриваться как история Российской Академии наук в период, когда Ольденбург был ее неперменным секретарем, хотя до известной степени его биография неизбежно оказывается таковой. В своей работе мы стремились опираться на максимально широкий круг как печатных, так и, в особенности, архивных источников, причем огромную помощь нам оказали записки и биографические материалы, собранные Е. Г. Ольденбург²³. Не будучи индологом, автор настоящего очерка оценивает труды С. Ф. Ольденбурга в этой области с позиций историка науки, опираясь на суждения авторитетных специалистов. Взяться за биографию Ольденбурга мы решились именно потому, что, по общему мнению, не работы по индологии определили основную историческую роль и значение этого человека.

Автор глубоко признателен Американскому совету научных обществ за поддержку его работы, а также всем коллегам и работникам архивов, которые на протяжении многих лет помогали ему своими консультациями, советами и критическими замечаниями. Особая благодарность — товарищам по Отделу всеобщей истории Петербургского института истории Российской Академии наук.

И. М. Смилянкой // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Вып. 2. М., 2004. С. 201–399.

²² Таковыми не могут, конечно, считаться небольшие статьи: *Серебряков И. Д.* Непременный секретарь АН академик С. Ф. Ольденбург // *НИИ*. 1994. № 1. С. 217–238; *Алпатов В. М., Сидоров М. А.* Дирижер академического оркестра // *Вестник РАН*. 1997. № 2. С. 164–173; *Алпатов В. М.* С. Ф. Ольденбург // *Портреты историков: Время и судьбы*. Т. 3. М., 2004. С. 199–219.

²³ Наиболее важными для нас были составленная Е. Г. Ольденбург «Хронологическая канва для биографии С. Ф. Ольденбурга» (ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 44–54; далее – Хронологическая канва, с указанием номера архивного дела), ее «Записки» о работе С. Ф. Ольденбурга в качестве неперменного секретаря Академии наук в 1925–1928 гг. (Там же. Д. 61) и в 1928–1929 гг. (Там же. Д. 57) и дневники Е. Г. Ольденбург на листках перекидного календаря (Там же. Д. 62).

Ко второму изданию

2-е издание книги приурочено к 150-летию со дня рождения С. Ф. Ольденбурга, отмечаемому Российской Академией наук. Выражаю искреннюю признательность академику Н. Н. Казанскому, при деятельной помощи которого оказалось возможным осуществить переиздание. Должен также с чувством глубокой благодарности вспомнить неизменную поддержку, которую оказывал мне покойный ныне академик А. А. Фурсенко, являвшийся ответственным редактором 1-го издания книги, вышедшего в 2006 г. Ввиду необходимости осуществить переиздание в очень короткий срок, мы ограничились исправлением погрешностей и опечаток, замеченных в тексте; во всем остальном 2-е издание идентично первому.

Глава I
Начало биографии
1863–1890

Сергей Федорович Ольденбург происходил из немецкой дворянской семьи, представители которой поступили на русскую службу и переселились в Россию из Мекленбурга при Петре Великом. «Все Ольденбурги были военные», — сообщала Е. Г. Ольденбург в неопубликованной рукописи «Детство и отрочество Сергея Федоровича Ольденбурга»²⁴. Дед академика Федор Федорович Ольденбург был русским генералом от инфантерии и окончил свою службу в Варшаве. Его сын, тоже Федор Федорович, в 1856 г., будучи полковником лейб-гвардии Московского полка, перевелся на службу в Забайкальское казачье войско и девять лет прослужил в Сибири. В 1861 г. в возрасте 35 лет он женился на тридцатилетней Надежде Федоровне Берг. Она была наполовину француженкой и происходила из рода Нурмис-и-Кандель²⁵. Надежда Федоровна была дочерью небогатого офицера, рано потеряла родителей, училась в Смольном институте и затем более десяти лет прослужила там преподавательницей французского языка. «Наш дедушка Ольденбург, рассказывала нам мама, не имел в себе ни капли русской крови», — пишет в своей книге внучка С. Ф. Ольденбурга Зоя Ольденбург²⁶. Вероятно, какая-то «капля» все-таки была, потому что по документам Н. Ф. Берг была православного вероисповедания (а Ф. Ф. Ольденбург — лютеранского),

²⁴ Детство и отрочество Сергея Федоровича Ольденбурга. Записано по его рассказам его женою Е. Г. Ольденбург. — ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 40. С. 1.

²⁵ См. автобиографический очерк С. Ф. Ольденбурга: Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Пг., 1917. Т. 2. С. 54.

²⁶ *Oldenbourg Z. Visages d'une autoportrait.* P. 40.

вследствие чего, по законам Российской империи, в православие были крещены и оба их сына²⁷.

Будущий академик Сергей Федорович Ольденбург родился 14 сентября 1863 г. в селе Бянкино Нерчинского уезда Забайкальской области, где располагался полк, которым командовал его отец. Полтора годами ранее родился его брат Федор, с которым он был очень дружен всю жизнь. Летом 1914 г., получив известие о смерти брата, академик С. Ф. Ольденбург, находившийся в экспедиции в Туркестане, записал в дневнике: «Федор скончался. Моя жизнь оборвалась, ибо он был моим солнцем»²⁸.

В 1867 г. Ф. Ф. Ольденбург, успевший после Забайкалья послужить в Николаевске-на-Амуре и Иркутске, вышел в отставку в чине генерал-майора и уехал с семьей за границу. Прожив некоторое время в Париже и на юге Франции, Ольденбурги переехали в Гейдельберг. По видимому, Ф. Ф. Ольденбург был не вполне обычным генералом. Он поступил вольнослушателем в Гейдельбергский университет, где слушал лекции Г. Гельмгольца, Г. Кирхгофа, Р. Бунзена, К. Фишера. Огромное внимание отец уделял воспитанию сыновей. Будучи поклонником идей Руссо, он стремился растить их в близости к природе; к детям ходил столяр, который обучал их ремеслу. Разговорным языком в семье был французский. Дети также превосходно владели немецким языком. Семья была очень дружная и любящая. Как писал впоследствии академик Ф. И. Щербатской, «происходя из семьи высококультурной и очень зажиточной, С. Ф., тем не менее, с ранних лет был приучен к тяжелому труду и скромной жизненной обстановке. Все свободные средства родителей были обращены на обучение детей, на дарование им наилучшего по тому времени образования. Обучение языкам и владение в совершенстве, по крайней мере, тремя главными языками западной цивилизации — это условие *sine qua non* для всякого гуманитария — было достигнуто в семье Ольденбургов в наивысшей степени»²⁹.

«Отец воспитывал в сыновьях рыцарский дух — защиту слабых, глубокое уважение к женщине

²⁷ См.: Хронологическая канва. Д. 44.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 179. Л. 19.

²⁹ Щербатской (1935). С. 24.

и правдивость», — писала Е. Г. Ольденбург³⁰. «Была у Ольденбургов и вообще какая-то монашеско-рыцарская потребность жертвы», — вспоминал после смерти Сергея Федоровича один из его старейших друзей Д. И. Шаховской³¹. «Ничего чудесного, фантастического, никаких сказок не сообщалось детям, что, однако, не мешало тому, что в будущем профессор, а затем академик Ольденбург всегда интересовался сказками», — сообщает Елена Григорьевна³². Мальчиков никогда не водили в театр. Они не получили также никакого религиозного воспитания и, как пишет Е. Г. Ольденбург, «никогда не бывали в церкви, пока не поступили в гимназию, где посещение церкви требовалось от всех учащихся»³³. В 1926 г. в связи с праздником Пасхи Е. Г. Ольденбург записала в дневнике разговор с мужем: «Для него с этим праздником не связано никаких теплых воспоминаний, он даже во всю жизнь ни разу не был у заутрени»³⁴. Едва ли родители стремились сделать детей атеистами, но, по-видимому, сами они не были сильно верующими; к тому же их разная конфессиональная принадлежность и европейский уклад жизни не способствовали укоренению в семье православных обычаев.

В 1874 г. семья Ольденбургов переехала в Варшаву, так как детям пора было учиться в гимназии. Оба брата поступили во второй класс 1-й варшавской русской гимназии. Они превосходно учились, увлекаясь в особенности латинским и греческим языками, и вышли из школы с хорошим знанием античных классиков. Внезапная смерть отца в 1877 г. глубоко потрясла семью, но Надежда Федоровна была не только самоотверженной, но и умной и деятельной матерью и сумела довершить воспитание сыновей. В варшавской гимназии вокруг них сложился дружеский кружок, в который входили, в частности, дети русских чиновников и офицеров, служивших в Польше, — Д. И. Шаховской, А. А. Корнилов, Д. С. Старынкевич, С. Е. Крыжановский³⁵. Со многи-

³⁰ Детство и отрочество С. Ф. Ольденбурга... С. 8.

³¹ Письмо Д. И. Шаховского. Е. Г. Ольденбург от 19 декабря 1934 г. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 18. Л. 4.

³² Детство и отрочество С. Ф. Ольденбурга... С. 8.

³³ Там же.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 61. Л. 263 об.

³⁵ См.: Корнилов А. А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1916. № 8. С. 49–53.

ми школьными товарищами у братьев Ольденбургов на всю жизнь сохранились дружеские отношения.

В 1881 г. братья Ольденбурги с золотыми медалями окончили гимназию, и семья переехала в Петербург, родной город Надежды Федоровны, где Федор поступил на историко-филологический факультет университета, а Сергей — на факультет восточных языков по санскритско-персидскому разряду. «На Восток меня привели мои чтения», — вспоминал впоследствии С. Ф. Ольденбург³⁶. По его словам, в шестом классе гимназии ему попала в руки книга о Тибете. «Я решил выучиться санскриту и непременно пробраться в Тибет. Чтение этой забытой теперь мною книги решило мою судьбу. Я купил себе санскритскую грамматику»³⁷.

Основными учителями С. Ф. Ольденбурга в университете были индолог И. П. Минаев, иранист К. Г. Залеман и арабист В. Р. Розен. По вопросам синологии и тибетологии он консультировался с профессором В. П. Васильевым, тогдашним деканом факультета. Большое значение для него имели также лекции знаменитого филолога-компаративиста академика А. Н. Веселовского по всеобщей литературе, которые тот читал на историко-филологическом факультете. Ольденбург быстро проявил свои блестящие способности, усердие и энтузиазм к науке, не говоря уже об общей культуре. С равным увлечением он занимался санскритом, персидским и арабским языками. Но языки не были для него самоцелью — в центре его интересов стояли история и культура Востока, в особенности темы, связанные с буддизмом. «Востоковедное образование Ольденбурга было действительно энциклопедическим», — замечает современный историк³⁸. В. Р. Розен еще на первом курсе сказал Ольденбургу, что нельзя быть в равной мере индологом и арабистом, и Ольденбург выбрал санскритологию. Верность иранистике он при этом сохранил и занимался у К. Г. Залемана на дому древнеперсидским и среднеперсидским языками. Характерно, однако, что наибольшее влияние на формирование его научной индивидуальности оказал не строгий

³⁶ *Ольденбург С. Ф.* Мысли о научном творчестве // Год шестнадцатый: Альманах 2. М., 1933. С. 423.

³⁷ Цит. по: *Серебряков И. Д.* Непременный секретарь АН академик С. Ф. Ольденбург. С. 219.

³⁸ *Вигасин А. А.* С. Ф. Ольденбург. С. 406.

и суховатый академик Залеман, к которому Ольденбург относился с глубочайшим уважением, и даже не прямой его руководитель И. П. Минаев, а именно В. Р. Розен, организатор русского востоковедения на европейских основах, активный, живой, умный и сердечный человек.

«Первым моим настоящим руководителем оказался не индианист, а арабист, учитель целого поколения русских востоковедов В. Р. Розен. Этот замечательный ученый не только показал мне, что такое наука и в чем состоит научное творчество, но и дал в своей научной деятельности пример <...> коллективного труда, организации научного исследования», — писал в конце жизни С. Ф. Ольденбург³⁹. «С. Ф. поддерживает самые тесные отношения с бар. Розеном, постоянно бывая у него на дому», — рассказывала о студенческих годах мужа Е. Г. Ольденбург⁴⁰. Из сверстников-востоковедов наиболее дружеские отношения у Ольденбурга сложились в то время с учеником Васильева китаистом А. О. Ивановским. В 1885 г. С. Ф. Ольденбург окончил университет, представив кандидатскую (по-теперешнему — дипломную) работу «Очерк фонетики и морфологии пракритского наречия магадхи». 30 мая 1885 г., по представлению профессора И. П. Минаева, он был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности по кафедре санскритской словесности.

Но не меньшее значение, чем наука, для молодого С. Ф. Ольденбурга имели «поиски смысла жизни» и связанные с ними общественно-политические искания. В Петербурге гимназический кружок Ольденбургов, переместившийся сюда почти в полном составе из Варшавы, расширился. В него вошли студент-естественник В. И. Вернадский, студент-историк И. М. Гревс и еще несколько человек. Вошел в него, как выражался А. А. Корнилов, и «женский элемент», с которым через три-четыре года навсегда связал свои жизни «мужской элемент»⁴¹: будущие жены С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбургов, Д. И. Шаховского, И. М. Гревса, В. И. Вернадского. Члены кружка (его шуточно называли «Шахвербургом» по фамилиям центральных фигур: Шаховской — Вернадский — Ольденбург)

³⁹ *Ольденбург С. Ф.* Мысли о научном творчестве. С. 423.

⁴⁰ Хронологическая канва. Д. 44.

⁴¹ *Корнилов А. А.* Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга. С. 57.

стремились выработать мировоззрение и найти свое место в жизни, цель которой они видели в служении науке и человечеству. Они придерживались либерально-демократических взглядов⁴² и были противниками самодержавия⁴³, но отвергали революционный террор и стремились прежде всего к развитию просвещения, культуры и демократического самоуправления, полагая, что, в конечном счете, они приведут к изменению российского государственного строя. Члены кружка исповедовали культ науки и принимали самое активное участие в деятельности Студенческого научно-литературного общества при Петербургском университете.

Ко времени окончания университета «Ольденбургский кружок» превратился в «братство», члены которого решили осуществлять совместную программу жизнестроительства. Братство это было названо «Приютино», поскольку члены его собирались приобрести дом в деревне, чтобы вместе проводить там летние месяцы. На философию Братства большое влияние оказали личность и учение эмигрировавшего в Америку бывшего революционера-землеольца 1860-х гг. В. К. Гейнса (1839–1888; в Америке он стал именоваться Вильямом Фреем). Фрей пропагандировал «религию человечества» Огюста Конта, основанную на достижениях «положительной науки», в которой место Бога занимало Человечество и провозглашались постулаты социальной справедливости и всечеловеческой солидарности. В России все это было окрашено традиционным для демократической интеллигенции пафосом служения народу. «Ужасно мне хочется написать жизнь Франциска Ассизского», — написал 26 февраля 1886 г. в дневнике С. Ф. Ольденбург⁴⁴.

Одну из своих главных общественных задач Братство видело в просветительской работе среди

⁴² Говоря здесь и далее о либерализме Ольденбурга, я имею в виду не современный экономический либерализм, означающий прежде всего максимальную свободу частного предпринимательства, а политический либерализм в его традиционном понимании.

⁴³ От кружка отошел тогда С. Е. Крыжановский, сделавший позднее большую административную карьеру: после 1905 г. он был ближайшим сотрудником Столыпина, товарищем министра внутренних дел и государственным секретарем, а в последние годы монархии неоднократно рассматривался как кандидат в премьер-министры.

⁴⁴ Цит. по: Хронологическая канва. Д. 44.

народа («Кружок народной литературы»), и на этой почве установились связи с толстовцами В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым и с известной демократической деятельницей А. М. Калмыковой, а через нее, уже в 1890-е годы, с П. Б. Струве. Члены Братства очень интересовались учением и деятельностью Л. Н. Толстого, хотя и не разделяли осуждения им цивилизации и науки с патриархально-русоистских позиций и не принимали крайностей толстовской проповеди опрощения. Много лет спустя, в 1918–20 гг., соглашаясь с критикой некоторых сторон толстовского учения, Ольденбург, тем не менее, писал: «В годы моей молодости, в 80-х гг., впервые громко прозвучали слова Толстого, и то поколение, к которому я принадлежу, никогда не забудет, чем были для него эти слова великого русского учителя»⁴⁵. Моральный пафос Толстого и его обличение социального зла и «неправедности» мира увлекали и звали к действию. Большими авторитетами для кружка были также А. И. Герцен и И. С. Тургенев. Очень рано завязались контакты с талантливым молодым московским историком П. Н. Миллюковым, учеником В. О. Ключевского. Поселившиеся по окончании университета в провинции Д. И. Шаховской и Ф. Ф. Ольденбург⁴⁶, а через них и другие члены кружка сблизилась с тверскими либеральными земцами Ф. И. Родичевым, И. И. Петрункевичем, П. А. Бакуниным. В конце 1880-х гг. Вернадский и Гревс познакомились в Париже с покинувшим к тому времени Россию М. П. Драгомановым, — его политические воззрения, которые позднее нередко называли «протокадетскими», произвели на них сильное впечатление⁴⁷.

⁴⁵ *Ольденбург С. Ф.* Толстой — учитель жизни (Из воспоминаний 1880-х гг.) // Толстой: Памятники жизни и творчества. М., 1920. Т. II. С. 118.

⁴⁶ Ф. Ф. Ольденбург, которому также предлагали остаться при университете, отказался от научной карьеры и уехал в Тверь, где стал преподавателем, а затем и заведующим учительской семинарии Максимова, готовившей учителей для народных школ.

⁴⁷ Об «Ольденбургском кружке» и Братстве см.: *Корнилов А. А.* Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга. С. 49–86; *Гревс И. М.* 1) В годы юности. За культуру. Очерк 1-й: Из университетских лет // *Былое*. 1918. № 12. С. 42–88; 2) Отрывок 2-й: После студенчества. Наше Братство // Там же. 1921. № 18. С. 137–166; *Вернадский Г. В.* Братство Приютино // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1968. № 93. С. 147–171; 1969. № 95. С. 202–215; № 96. С. 153–171; № 97. С. 218–237; *Шаховской Д. И.* Письма о Братстве. С. 174–318.

«Ольденбургский кружок» и Братство связали на всю жизнь выдающихся деятелей русской науки и культуры. Достаточно напомнить, что В.И. Вернадский стал впоследствии академиком, знаменитым ученым и мыслителем-натуралистом, И.М. Гревс — известным медиевистом, почти полвека занимавшим кафедру истории Средних веков Петербургского университета, Д.И. Шаховской — крупным общественно-политическим деятелем и автором ценных работ о своем родственнике Чаадаеве, А.А. Корнилов — также видным историком и кадетским деятелем, Ф.Ф. Ольденбург — известным педагогом. Идеология и деятельность этого кружка заслуживают специального изучения. В виде общей формулы не будет, кажется, ошибкой сказать, что этот кружок стал одним из центров формирования идейных основ русского левого либерализма конца XIX — начала XX в. и что либерально-конституционалистские и буржуазно-демократические идеи сочетались здесь с некоторыми народническими элементами и носившими полурелигиозный характер утопическими чаяниями о преодолении «небратского» состояния мира⁴⁸. «Ольденбургский кружок», наряду с несколькими другими группами, стоял у истоков кадетской партии, организационно оформившейся только в 1905 г., но имевшей долгую предысторию.

Сказать обо всем этом здесь необходимо, потому что жизнь и деятельность С.Ф. Ольденбурга в огромной мере определили идеи и убеждения, вынесенные из этого дружеского кружка молодых лет.

В октябре 1886 г. С.Ф. Ольденбург женился на Александре Павловне Тимофеевой, выпускнице математического отделения Педагогических курсов, также входившей в кружок. Она была дочерью старой подруги Надежды Федоровны Ольденбург по Смольному институту — Лидии Карловны Тимофеевой, урожденной Сент-Илер.

«Свадьба Сергея и Шуры, на которой я присутствовал в качестве одного из шаферов, — вспоминал А.А. Корнилов, — была справлена чрезвычайно просто: без фраков, без вина и даже без экипажей, что далось не без борьбы и не без огорчения для старшего поколения, которое в этом случае принуждено было уступить. Молодые

⁴⁸ См.: *Каганович Б. С.* О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства».

новобрачные переехали в маленькую квартиру Гревсов, в которой они заняли одну комнату в два окна»⁴⁹.

Вторая половина 1880-х гг. была для С.Ф. Ольденбурга временем научного самоопределения и началом интенсивной научной работы. Первая его публикация — небольшая заметка во французском журнале — вышла еще в студенческие годы. В 1886/87 учебном году во время командировки проф. И.П. Минаева в Индию и Бирму Ольденбург заменял его в качестве преподавателя санскрита на восточном и историко-филологическом факультетах университета. В числе студентов был Ф.И. Щербатской, впоследствии крупнейший русский буддолог; позднее он называл С.Ф. Ольденбурга, который был старше его всего тремя годами, своим учителем. В это же время Ольденбург сдал магистерские экзамены. Сферой своих исследований он избрал буддийскую повествовательную литературу на санскрите. Не оставлял Ольденбург и занятий иранистикой. Почти полвека спустя, поздравляя в 1933 г. С.Ф. Ольденбурга с 70-летием, известный иранист Ф.А. Розенберг вспоминал: «В 1885 или 86-м году, скоро после поступления в университет, я обратил внимание на одного молодого человека, по возрасту студента. <...> Скоро я узнал, что это самый молодой из всех имеющихся в университете приват-доцентов, ученик Минаева, санскритист Ольденбург, который, вернувшись из заграничной командировки, только что приступил к чтению лекций. Одновременно, однако, — и это мне ужасно импонировало, — он слушал лекции по всяческим авестийским, пехлевийским, армянским и т. п. премудростям»⁵⁰. Здесь есть некоторые неточности: в 1885–1886 гг. С.Ф. Ольденбург еще не был приват-доцентом, а оставленным при университете (выражаясь современным языком, аспирантом), и это было до его заграничной командировки, но слова эти стоит привести как свидетельство широты интересов начинающего ученого.

В этот же богатый событиями год произошел эпизод, который, если бы открылся, то, вероятно, положил бы конец научной карьере С.Ф. Ольденбурга. Секретарем студенческого научно-литературного общества

⁴⁹ Корнилов А. А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга. С. 75.

⁵⁰ Письмо Ф. А. Розенберга С. Ф. Ольденбургу от 1 февраля 1933 г. — ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 29. Л. 116–117.

в 1886 г. был студент-зоолог А. И. Ульянов, с которым Ольденбург и его друзья были знакомы, хотя и не знали о его революционной деятельности⁵¹. После покушения на Александра III 1 марта 1887 г. и ареста Ульянова стало известно, что он незадолго до того просил спрятать ящик, оставленный им на чердаке квартиры студента В. В. Водовозова. Братья Ольденбурги и их товарищ А. А. Кауфман, впоследствии известный экономист и статистик, забрали этот ящик и отнесли его содержимое на анализ в лабораторию В. И. Вернадского, который установил, что в ящике находится тренал, составная часть динамита. С большим трудом удалось избавиться от этого ящика, закопав его весной в землю⁵². Студенческое научно-литературное общество вскоре было закрыто по распоряжению министра народного просвещения И. Д. Делянова как рассадник вредных настроений.

В конце мая 1887 г., получив от университета двухгодичную заграничную командировку во Францию, Англию и Германию, С. Ф. Ольденбург выехал с женой в Париж. С этого времени мы располагаем таким ценным биографическим источником, как письма Ольденбурга к родственникам и друзьям, а также к учителям Минаеву и Розену. Большую часть этих двух лет Ольденбург провел во Франции и Англии, где с увлечением работал над санскритскими, палийскими и отчасти персидскими рукописями в библиотеках Парижа, Лондона и Кембриджа, а также слушал лекции в университетах. Но его интересовали и люди, и он завязал в эту и последующие свои поездки на Запад личные контакты со многими западными учеными. Прекрасное владение французским, английским и немецким языками снимало проблему языкового барьера. В их числе были крупнейшие филологи и ориенталисты А. Бергень, О. Барт, Э. Сенар, Д. Дармстетер, М. Бреаль — во Франции; С. Бендалл, Т. Рис-Дэвидс, Ф. Томас, Дж. Берджесс, А. Стейн — в Англии; Г. Бюлер, Г. Якоби, Г. Ольденберг, Г. Людерс — в Германии; Г. Керн — в Голландии, Л. де ла Валле-Пуссен — в Бельгии; а также тогда еще молодые, но получившие

⁵¹ См.: *Ольденбург С. Ф.* Несколько воспоминаний об А. И. и В. И. Ульяновых // *Красная летопись.* 1924. № 2. С. 17–18.

⁵² См.: *Ольденбург Е. Г.* Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете // *Вестник ЛГУ.* 1947. № 2. С. 154–155.

впоследствии большую известность французские индологи С. Леви, А. Фуше, Л. Фино, китаист Э. Шаванн, лингвист-индоевропеист А. Мейе.

Наиболее близкие отношения сложились у С. Ф. Ольденбурга с его сверстником Сильвеном Леви (1863–1935), с которым он познакомился в первые дни по приезде в Париж, и они сразу прониклись взаимной симпатией. 7 июля 1887 г. Ольденбург сообщал И. М. Гревсу: «Леви <...> очень славный. Мы много говорили во время наших прогулок о науке и жизни. Я говорил ему про наши идеи, про братство и Приютино; он очень сочувственно относился, но говорил, что здесь невозможно и немыслимо что-нибудь подобное, и сомневался отчасти в том, чтобы могли эти идеи иметь широкое распространение. Он тоже видит спасение в крестьянстве, в земле, а о рабочем классе говорит, что это наиболее мыслящий и работающий умственно класс»⁵³.

Впоследствии С. Леви стал не только крупнейшим индологом, профессором Коллеж де Франс и директором Института индийской цивилизации при Сорбонне, но и президентом Alliance Israelite Universelle и видной фигурой в общественной жизни Третьей Республики. Дружба его с Ольденбургом продолжалась всю жизнь, он пять раз приезжал в Россию, последний раз в 1933 г., за год до смерти Ольденбурга⁵⁴.

Круг новых знакомых С. Ф. Ольденбурга был гораздо шире, чем это можно было бы предположить. Сергея Федоровича интересовали предметы, далеко выходящие за пределы избранной им специальности. Он присутствовал на докладе в Академии знаменитого Эрнеста Ренана и впоследствии характеризовал себя «как человека, лично знавшего Ренана и увлекавшегося его сочинениями»⁵⁵. Интересовался Ольденбург и творчеством графа А. де Гобино, автора не только пресловутого «Опыта о неравенстве человеческих рас», но и ряда работ о Персии, где он в 1850-е гг. состоял французским посланником, а также книги о религиях и философии

⁵³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 251. Л. 3.

⁵⁴ См.: *Correspondances orientalistes*. P. 49–58.

⁵⁵ *Ольденбург С. Ф.* Европа в сумерках на пожарище войны: Впечатления от поездки в Германию, Англию и Францию летом 1923 г. Пг., 1924. С. 104. Ср.: *Ольденбург С. Ф.* Эрнест Ренан. 1823–1923 // *Анналы*. 1923. №3. С. 3–4.

Центральной Азии⁵⁶. В качестве бытового штриха небезынтересен, может быть, следующий отрывок из письма С. Ф. Ольденбурга к В. Р. Розену из Парижа: «Порядочно ознакомился с чрезвычайно разнообразными сочинениями Гобино и решил не упустить случая немного ознакомиться и с его биографией, для этой цели я устроил себе доступ к графине Гобино, его вдове. Она приняла меня очень мило, — это высокая представительная старуха из того общества, которое постепенно исчезает <...> В одном только я потерпел неудачу: бумаг его или писем у ней не было, — все это находится у другой графини (de la Tour), у которой Гобино, увлекшись ею 60-летним стариком, жил последние годы в Риме»⁵⁷.

С. Ф. Ольденбург, однако, никогда не был в Индии и, возможно, не прилагал особенно больших усилий, чтобы попасть туда. В XIX в. считалось, что ориенталистам, не занимающимся современностью, не обязательно ездить в страны, прошлое которых они изучали: так, В. Р. Розен никогда не был в арабских странах, а К. Г. Залеман — в Иране.

С Минаевым и Розеном Ольденбург постоянно делился своими впечатлениями, планами и ходом занятий, они же внимательно следили за его работой. В одном из писем Минаеву из Парижа Ольденбург сообщал ему свои замыслы: «Моя отдаленная цель заниматься историей, т. е. постараться внести то, что я могу, в понимание человеческой прошлой жизни необходимого для выяснения мира и его задач вообще и, в частности, человеческих, с тем чтобы найти условия наилучшей, честнейшей жизни. <...> Один из важных вопросов культурной истории — это влияние и развитие слова, и вот тут-то изучение преданий, сказок, легенд литературных в связи

⁵⁶ В наши дни высокую оценку некоторых работ А. де Гобино давал знаменитый этнолог-структуралист К. Леви-Стросс, см.: *Eribon D. Conversations with Claude Levi-Strauss*. Chicago; London, 1991. P. 160–161.

⁵⁷ Письмо от 9 ноября 1983 г. – ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 496а. Л. 242. Переписка С. Ф. Ольденбурга с В. Р. Розеном цитируется отчасти по оригиналам, отчасти по рукописной копии, сделанной в 1938 г. для Е. Г. Ольденбург сотрудницей Архива Академии наук С. А. Коплан-Шахматовой. Публикаторы переписки Розена и Ольденбурга вследствие неправильного прочтения фамилии ошибочно идентифицируют ее как «К. Каплан» (см.: *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. С. 211).

с непосредственными проблемами народного творчества стоит на одном из первых мест»⁵⁸. Молодой ученый решил заняться изучением Индийских сборников сказок и в связи с этим — проблемой миграции сюжетов, которая, по его мнению, не вполне удовлетворительно была решена немецким индологом Теодором Бенфеем, автором классического труда на эту тему, вышедшего в 1859 г.

Мы вправе предположить, что тематику исследовательских интересов Ольденбурга определили два момента: с одной стороны, его привлекала компаративистика, лидером которой в России был создатель исторической поэтики А. Н. Веселовский, с другой — интересовала область, которую теперь называют «народной культурой», и в этом, несомненно, сказалось влияние общей «народнической» атмосферы «Ольденбургского кружка». В ответе Минаева на приведенное письмо заметна некоторая обеспокоенность чересчур широкими планами ученика: «Все это отлично, а диссертацию нужно, непременно нужно приготовить к приезду на родину. Судьбы человечества успеете нам разъяснить потом, а теперь дайте возможность людям, Вам преданным, распахнуть широко врата в храм науки и видеть Вас на кафедре. <...> Для магистерской диссертации совершенно достаточно главы из продуманного большого труда, одной и даже небольшой части какого-нибудь текста»⁵⁹.

В. Р. Розен также торопил Ольденбурга с написанием диссертации: «Я от души рад, что Вы именно теперь попали за границу, а не в Азиатский Музей. Я сам с восторгом вспоминаю, как я накидывался на рукописи в Лондоне, Оксфорде, Париже и пр. Но Вы все-таки имейте немножко в виду и магистерскую диссертацию и выберите что-нибудь не слишком громоздкое. Годика через полтора все-таки желательно было бы Вас видеть на кафедре во фраке и с диссертацией»⁶⁰. Ольденбург писал о том, что скучает по России, и о своих планах популяризации науки, на что Розен отвечает: «Я сам очень буду рад Вашему возвращению, но только если Вы привезете готовую диссертацию. Когда Вы тут окончательно пристроитесь, будет одною

⁵⁸ Письмо от 10(22) августа 1887 г. — РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 354. Л. 13.

⁵⁹ Письмо от 17 августа 1887 г.; цит. по: Хронологическая канва. Д. 44.

⁶⁰ Письмо от 5 декабря 1887 г. — Там же.

свежею силою больше. Но только я не разделяю Вашего увлечения насчет популяризации восточных наук. Наша задача состоит прежде всего в изгнании шарлатанства из профессиональных ученых сфер, а привлечение публики только увеличит число шарлатанов и проходимцев. Ну, обо всем этом мы, вероятно, будем еще много рассуждать и спорить здесь»⁶¹. В более позднем письме Розена особенно ярко видна его роль как «организатора сил» российского востоковедения: «Мы не должны оставить жизнь раньше, чем не успеем создать настоящую действительно научную школу русских ориенталистов, самостоятельных по существу дела, но вместе с тем стоящих на плечах европейских ученых и признающих рациональность выработанных Европой научных приемов. Я возлагаю на Вас — без комплиментов — большие надежды в этом деле и уверен вполне, что Вы эти надежды оправдаете, если Вы не увлечетесь в сторону более грандиозных, но зато и несбыточных мечтаний»⁶².

В годы заграничной командировки были написаны первые серьезные работы С. Ф. Ольденбурга⁶³, но диссертации он за это время не завершил. Пожалуй, требовать от молодого ученого написания магистерской диссертации по востоковедению за полтора-два года было чрезмерным, но, вероятно, Розен и Минаев, зная Ольденбурга, «нажимали» на него, опасаясь, что он слишком затянет работу.

Разумеется, и за границей Ольденбург внимательно следил за событиями на родине. Так, в связи со смертью публициста М. Н. Каткова, имевшего в либеральных и демократических кругах России одиозную репутацию, во французской печати появились отклики, восхвалявшие Каткова как сторонника франко-русского союза. Это вызвало следующую реплику Ольденбурга в письме к матери от 31 августа 1887 г.: «Ужасно

⁶¹ Письмо от 20 января 1888 г. — ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 496а. Л. 3.

⁶² Письмо от 28 октября 1888 г. — Там же. Л. 8.

⁶³ См., в частности: *Ольденбург С. Ф.* 1) Заметки об изданиях «Pali Text Society» и литературе по джайнизму // ЗВОРАО. 1886. Т. I. С. 154–160; 2) Материалы для исследования индийского сказочного сборника «Brhatkathā» // Там же. 1888. Т. III. С. 41–50; 3) Персидский извод повести о Варлааме и Иоасафе // Там же. 1889. Т. IV. С. 229–265 (публикация обнаруженного Ольденбургом в Лондоне персидского варианта повести, восходящей к одной из версий жизнеописания Будды).

мы возмущались раболопным отношением французской прессы к Каткову и России вообще. Всех в этом отношении перещеголял противный Рошфор. Его “Nationale” такая гадость и ложь, что из рук валится»⁶⁴.

«В Лондоне я познакомился с одним из видных революционеров Кравчинским, — вспоминал через много лет Ольденбург. — Он жадно расспрашивал меня о России, но все мои попытки указать на то, что большая часть России спит мертвым сном невежества и что если она, поднятая волною революции, и была бы способна стряхнуть с себя власть, то не во имя непонимаемой свободы, а лишь во имя грубой расправы, без завтрашнего дня, — не воспринимал совершенно, убежденный, что в народе живет социалистический идеал»⁶⁵. Ольденбург и его друзья убеждены в этом не были и возлагали надежды на развертывание общественного движения, просвещение масс, подготовку политических и социальных реформ путем давления на правительство. В этом плане немаловажным для Ольденбурга и его друзей (особенно Гревса и Вернадского) было знакомство в Париже с русскими эмигрантами супругами А. В. и В. А. Гольштейнами, в прошлом сотрудниками М. А. Бакунина в Италии, перешедшими в 1880-е гг. на гораздо более умеренные либерально-демократические позиции⁶⁶. На протяжении нескольких десятилетий их парижская квартира на авеню Ваграм была своего рода салоном, в котором собирались многие известные русские ученые, писатели и общественные деятели — от М. П. Драгоманова и П. Б. Струве до М. А. Волошина и А. Н. Толстого.

7 июня 1888 г. у С. Ф. и А. П. Ольденбургов родился сын Сергей. В феврале 1889 г. Сергей Федорович вернулся в Петербург и в том же месяце прочитал, как это было тогда положено, две пробные лекции в университете. Одна была на тему, предложенную факультетом, — «О законах Ману», вторая, по собственному выбору — «Об индийской повествовательной литературе». После этого

⁶⁴ Цит. по: Хронологическая канва. Д. 44. Журналист Анри де Рошфор, в прошлом борец с режимом Наполеона III, в конце 1880-х гг. стал националистом-консерватором, сторонником генерала Буланже, а впоследствии — ярым антидрейфусаром.

⁶⁵ *Ольденбург С. Ф.* Толстой — учитель жизни. С. 121.

⁶⁶ Ср.: *Баулер (Гольштейн) А. В.* Воспоминания о М. П. Драгоманове / С предисл. Г. В. Вернадского // *Новый журнал.* 1944. № 8. С. 321–333.

он был избран приват-доцентом восточного факультета Петербургского университета. Вероятно, досрочное возвращение Ольденбурга из заграничной командировки и ускоренное проведение в доценты было связано с болезнью И. П. Минаева и необходимостью обеспечить преподавание в университете. С осени 1889 г. Ольденбург приступил к преподаванию санскрита на восточном и историко-филологическом факультетах.

О преподавании С. Ф. Ольденбурга спустя много лет, в связи с его юбилеем, вспоминал Н. Я. Марр: «Профессорская работа С. Ф. Ольденбурга началась до, или правильнее будет сказать, без официального признания его профессором, когда еще в звании “оставленного при университете” или “приват-доцента”, тогда одинаково из беспризорного класса молодых научных работников, собирал <он> молодежь, искавшую свежих знаний, и, руководя техникой перевода санскритских текстов, делился своей широкой осведомленностью по востоковедной и вообще литературоведной работе на Западе. Приношу юбиляру <благодарность> от всех тогдашних аспирантов, в том числе Вашего покорного слуги, пользовавшихся Вашими кабинетными лекциями, где так щедро расточались знания общего характера и по сравнительному методу, увязывавшему нас не с физиологической фонетикой и не <с> европеизированием норм восточного мышления, лишь стадияльно отличного от западной философии, а с установкой сравнительного метода таким нашим в прошлом колоссом литературоведения, как академик А. Н. Веселовский»⁶⁷.

Тяжело больной туберкулезом И. П. Минаев за несколько месяцев до смерти писал Розену: «Я очень рад буду повидаться с Ольденбургом. Меня сильно беспокоит его диссертация. Ему необходимо легализовать свое положение в Университете. Если со мной что случится, две кафедры санскритского языка останутся вакантными, и Министерство ему может посадить на шею кого-нибудь со стороны. Ольденбургу как идеалисту, конечно, нечего приводить эти резоны, он не захочет их принимать в расчет. У него есть почти готовая работа об одном сборнике сказок; как магистерская диссертация она была бы принята самыми строгими

⁶⁷ Марр Н. Я. Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия. С. 10–11.

судьями. Пожалуйста, поговорите с ним об этом, но от себя»⁶⁸. После смерти И. П. Минаева С. Ф. Ольденбург, ставший его преемником по кафедре, посвятил памяти учителя несколько статей и подготовил к печати ряд его работ, в частности, способствовал переводу на французский язык его книги о буддизме⁶⁹.

⁶⁸ Письмо от 3 февраля 1890 г.; цит. по: *Крачковский И. Ю.* И. П. Минаев. Его жизнь и работа в Географическом обществе // Крачковский И. Ю. Избр. соч. М.; Л., 1958. Т. V. С. 474.

⁶⁹ См.: *Ольденбург С. Ф.* Памяти И. П. Минаева (1840–1890) // Живая старина. 1890. Вып. 1. С. LIII—LXI; *Oldenbourg S.* A la mémoire de I. P. Minayeff // *Annales du Musée Guimet.* 1894. Т. IV. P. I—XIII; *Minayeff I.* Recherches sur le bouddhisme. Paris, 1894.

Глава 2
**В университете и Академии наук
1890–1904**

В последнее десятилетие XIX века С. Ф. Ольденбург вступил как многообещающий молодой ученый, работающий в университете, и начинающий приобретать известность общественный деятель. Можно сказать, что жизнь его шла в двух планах. Подлинный и глубокий интерес к науке и своей специальности сочетался у него со стремлением «улучшить мир» в духе программы Братства. Вместе со своими друзьями Ольденбург принимал активное участие в просветительской работе и многих демократических начинаниях. Но в самом начале этого пути произошло трагическое событие, которое глубочайшим образом потрясло С. Ф. Ольденбурга и определило очень многое в его жизни.

20 сентября 1891 г., проболев три недели, от туберкулезного менингита скончалась Александра Павловна Ольденбург. В возрасте 28 лет Сергей Федорович остался вдовцом с трехлетним сыном. Смерть любимой жены была для него страшным ударом и повергла в отчаяние. «С. Ф., оставшись в день похорон один с телом умершей, дал ей клятву продолжать до самой своей смерти борьбу за свободу, дело, которому они служили при жизни вместе», — писала в «Хронологической канве» Е. Г. Ольденбург⁷⁰.

Долгие годы он оставался в состоянии тяжелой депрессии. Почти через пять лет после смерти Александры Павловны, 11 апреля 1896 г. Сергей Федорович записал в дневнике: «Я не могу верить, да и вряд ли когда поверю в бессмертие. Боже, какое было бы счастье, и смысла жизни я, конечно, и не пытаюсь искать. А жить надо, это непосредственно ясно, т. к. есть мама и Сережа, которым

⁷⁰ Хронологическая канва. Д. 45.

я нужен, не будь их, разве я хоть минуту колебался бы»⁷¹. Овладевшее Ольденбургом тяжелое настроение сильно сказалось на интенсивности его научной работы, хотя и не парализовало ее полностью. Воспитанием мальчика занялась бабушка Надежда Федоровна, переехавшая жить к сыну и внуку.

Интереснейшим свидетельством об этом периоде жизни и деятельности С. Ф. Ольденбурга является его переписка с В. Р. Розеном, из которой ясно, какие близкие и дружеские отношения сложились между учителем и учеником, какой опорой был Розен для Ольденбурга. С ним он делился своими душевными переживаниями и домашними новостями. Розен с большим тактом и сердечностью пытался ободрить Ольденбурга и отвлечь его от мрачных мыслей. Из писем мы видим, что он бывает у Ольденбурга дома, хорошо знаком с его матерью и, по видимому, очень уважает ее. В письмах Розена много живых откликов на происходящее и остроумных характеристик, отражающих его реалистическое понимание жизни и талантливость натуры. При этом Розен и Ольденбург вовсе не являлись политическими единомышленниками: Розен был человеком старого склада, умеренным консервативом и патриотом царской России. Но он, очевидно, полюбил молодого Ольденбурга с его благородством помыслов, чистотой и энтузиазмом. В 1890-е гг. Ольденбург сблизился также и с учениками Розена Н. Я. Марром, В. В. Бартольдом и П. К. Коковцовым.

Особенно обширной и интересной переписка с Розеном была во время второй большой заграничной поездки Ольденбурга, когда с осени 1893 г. по начало лета 1894 г. он находился в Париже и Лондоне для завершения диссертации. Вскоре по приезде в Париж Ольденбург писал Розену: «Люди бывают двух родов: одни умные — они примиряются с неизбежным, другие глупые, они не могут примириться. Я принадлежу ко вторым. Этот отказ от примирения — единственное, что остается жалкому человеку, брошенному на землю никто не знает зачем»⁷². Розен отвечал: «С Вашим делением людей на умных и глупых никак не могу согласиться. Отмеченные Вами признаки делят людей не на умных и глупых, а на сильных и малодушных,

⁷¹ Там же.

⁷² ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 496а. Л. 123.

или слабых. К последним Вы прежде, по-видимому, не принадлежали. <...> “Отказа от отказа от примирения” вправе требовать от Вас и Ваш сын, и Ваша мать, и Ваши друзья и почитатели (такие есть, верьте моему слову, и один из них — пишущий сии строки)»⁷³.

В 1893 г. В. Р. Розен стоял перед дилеммой: баллотироваться в непрременные секретари Академии наук или стать директором Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел. 21 августа 1893 г. он писал Ольденбургу: «Но уж если суждено мне быть чем-нибудь кроме профессора и академика, я все-таки предпочел бы быть самостоятельным хозяином “лавочки” на Б<ольшой> Морской, чем “мальцом” <...> у конференции Акад<емии> Наук. Вы знаете, что я не “обожаю” конституционного режима. Кроме того, я предпочитаю зеленую молодежь Кальхасам науки, из которых

ein jeder wahnt ein All zu sein,
und jeder ist im Grunde nichts»⁷⁴.

В конце концов Розен в том же году стал деканом восточного факультета, чему Ольденбург был, естественно, очень рад: «Неужели Вы будете у нас деканом? В таком случае я даже готов простить Мин<истерст>ву иностр<анных> дел их глупость, что они упустили Вас, — все-таки университет важнее школы»⁷⁵.

В Париже и Лондоне Ольденбург занимался диссертацией, но также пытался преодолеть депрессию, много читал не относящегося, казалось бы, прямо к его работе и общался с людьми. Так, в это время он заинтересовался Бретанью и кельтскими сказаниями как наиболее древним и «народным» слоем французской культуры и даже написал статью, знакомящую русского читателя с книгой на эту тему⁷⁶. Круг его знакомых среди западноевропейских ученых еще более расширился, равно как и его ориентированность в важнейших проблемах филологии и истории культуры.

⁷³ Письмо от 19 сентября (1 октября) 1893 г. — ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 496а. Л. 33.

⁷⁴ Там же. Л. 20. Перевод: «каждый мнит себя всем и по существу является ничем» (нем.). По-видимому, это цитата или парафраза из «Фауста» Гете.

⁷⁵ Цит. по: Хронологическая канва. Д. 45.

⁷⁶ *Ольденбург С. Ф.* Смерть в представлении современных бретонцев (По поводу книги А. Le Braz'a) // ЖМНП. 1894. №2. С. 427–442.

Так, 7 февраля 1894 г. Ольденбург сообщал из Парижа Розену: «На днях я познакомился еще с несколькими ориенталистами, из которых двое — Chavannes и Meillet (ориенталист и главным образом лингвист, но с очень широким филологическим образованием) мне очень понравились. Последний говорил о Марре, и я был доволен (хотя и огорчен за Марра), что он безусловно отрицает его лингвистические вещи, — он выразился очень сильно: *des fantaisies stupéfiantes et n'y a pas de linguistique dedans*⁷⁷; зато он отозвался очень сочувственно об его филологических занятиях. Хорошо, если бы Вы сообщили об этом Марру, м. б. он присяжного и очень умного лингвиста послушает больше, чем нас, филологов»⁷⁸.

Диссертация Ольденбурга продвигалась, по-видимому, не очень успешно, и после долгих колебаний он решил посоветоваться с Розеном о возможности модифицировать намеченный первоначально план. Розен одобрил эту идею: «Я должен Вам сказать, что в самых глубоких тайниках моей души я тщательно запираю ту мысль, что было бы отлично, если бы из “*Bhadra- kalpāvadāna*” Вы решили скроить диссертацию. Но я не решался до поры до времени предложить Вам такой план. Теперь вы сами пришли к тому

⁷⁷ Поразительные фантазии, в которых нет лингвистики (франц.).

⁷⁸ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 496а. Л. 124. Письмо это частично цитируется в кн.: *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1949. С. 31. Станным представляется предположение В. М. Алпатова, сделанное, в частности, в связи с критической рецензией К. Г. Залемана и С. Ф. Ольденбурга (ЖМНП. 1891. № 9. С. 242–270) на книгу А. И. Томсона «Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса» (СПб., 1890): «Вряд ли будет преувеличением утверждение, что коллеги-востоковеды просто не читали работ Марра, по крайней мере, внимательно, но хвалили их как труды главы школы русских кавказоведов, видного члена своей корпорации. Показательно, что в конфликте Марра с Томсоном на стороне Марра решительно выступили крупные востоковеды К. Г. Залеман и С. Ф. Ольденбург, явно исходя из желания помочь своему коллеге» (*Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 14). Залеман и Ольденбург, несомненно, хотели поддержать Марра, но предположить, что они не читали его работ и могли написать отрицательную рецензию из чисто корпоративных соображений, — значит переносить нравы современной научной среды на отношения людей совершенно иного типа.

же — и чудесно!»⁷⁹. Ольденбург, однако, продолжал терзаться, и, вероятно, после одного из его «пораженческих» писем Розен решительно ответил: «Из университета я Вас не выпущу (извините за категоричность этого заявления!). Это было бы самым тяжким грехом, который только мог бы совершить “декан”. Для музеев нужны ученые кроты (*talpa vulgaris doctissima sc. minus docta*⁸⁰), а для университета нужны живые люди (*homo+sapiens, polytropos, spec. nova Oldenburgens*⁸¹)»⁸². В этих полушутливых словах Розена содержится, как нам кажется, проницательная характеристика личности и будущей роли Ольденбурга.

Вернувшись в Россию к лету 1894 г., С. Ф. Ольденбург привез написанную диссертацию «Буддийские легенды», которая осенью была напечатана⁸³. Защита этой работы на степень магистра санскритской словесности состоялась 5 марта 1895 г. на факультете восточных языков Петербургского университета. Официальными оппонентами были академики В. П. Васильев и К. Г. Залеман. Самому Ольденбургу диссертация удовлетворения не доставила. 3 февраля 1895 г. он записал в дневнике: «Все та же тоска. Послезавтра диспут, а я ни о нем, ни о речи думать даже не могу; вернее, просто не думается, только грызет тоска. Читаю Strassmann. “Heinrich Heine. Leben und Werk”. Какой я исковерканный человек»⁸⁴.

Диссертация Ольденбурга была посвящена санскритским джатакам — рассказам о перерождениях Будды, которые, по существу, представляют собой огромный свод международного сказочного фольклора, включающий в себя волшебные сказки, сказки о животных, авантюрные и бытовые новеллы, притчи и т. д. Родоначальником изучения джатак был немецкий филолог Т. Бенфей, создатель «индийской теории», рассматривавший Индию как родину международных

⁷⁹ Письмо от 6 января 1894 г. — ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 496а. Л. 51.

⁸⁰ Крот обыкновенный ученейший, т. е. не слишком ученый (*лат.*).

⁸¹ Человек + разумный, понимающий жизнь, вид новый, Ольденбург(овский) (*лат., греч.*).

⁸² Письмо от 22 апреля (4 мая) 1894 г. — Там же. Л. 59 об.

⁸³ *Ольденбург С. Ф. Буддийские легенды. Ч. I: Bhadrakalpāva-dana. Jatakamāla.* СПб., 1894. 12, 140 с.

⁸⁴ Цит. по: Хронологическая канва. Д. 45.

сказочных сюжетов⁸⁵; много занимался джатаками и учитель Ольденбурга Минаев.

«Буддийские легенды» Ольденбурга производят впечатление скорее подготовительного материала к исследованию: это изложение двух санскритских сборников джатак «Бхадракальпавадана» («Сказание о блаженном веке») и «Джатакамала» («Гирлянда джатак»)⁸⁶, сделанное с учетом различных рукописных вариантов, с небольшими пояснениями относительно времени возникновения и состава сборников. Диссертация оказалась выполненной по минималистской программе даже по сравнению с предшествовавшей работой Ольденбурга, в которой уделялось внимание также структуре джатаки как литературного произведения и общей характеристике различных сборников джатак⁸⁷.

Идеи и замысел работы С. Ф. Ольденбурга становятся понятнее благодаря опубликованной через год статье «Буддийские легенды и буддизм», которая, по-видимому, представляла собой его речь, произнесенную перед защитой диссертации⁸⁸.

Согласно гораздо более поздней автохарактеристике, в буддизме Ольденбург занимался «главным образом не вопросами философии и догматики, а такими проявлениями религиозной жизни буддистов, которые делают буддизм религией масс»⁸⁹. В центре внимания Ольденбурга — взаимоотношения буддизма с традиционной религией (брахманизмом), трансформация буддийских учений и представлений при погружении их в народную среду и в этом плане — эволюция и судьбы буддизма в Индии. Попав в низовую народную среду, буддизм обрастает мифологией и сказкой. Взаимоотношения «высокой», «элитарной» и народной, массовой религиозности и культуры — одна из популярных тем современной

⁸⁵ См.: *Benfey T. Panchatantra*. Leipzig, 1859. Bd. I–II.

⁸⁶ Позднейший русский перевод: Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисатвы / Пер. А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. М., 1962.

⁸⁷ См.: *Ольденбург С. Ф.* Буддийский сборник «Гирлянда джатак» и заметки о джатаках // ЗВОРАО. 1893. Т. VII. С. 205–263.

⁸⁸ *Ольденбург С. Ф.* Буддийские легенды и буддизм // Там же. 1896. Т. IX. С. 157–165.

⁸⁹ См.: Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Т. II. С. 55.

историко-культурной науки⁹⁰. В России через 20 лет после Ольденбурга эту проблему на западном средневековом материале поставил и по-своему разработал Л. П. Карсавин⁹¹. Таким образом, С. Ф. Ольденбург нашел очень важную и многообещающую тему. А. А. Вигасин замечает, что, согласно Ольденбургу, «в самой буддийской культуре необходимо различать утонченные философские доктрины и массовое религиозное сознание. Такой социологический подход к буддизму был еще весьма необычен для историографии начала столетия»⁹². Можно предположить, что такая постановка вопроса отчасти являлась результатом очень широкой общей начитанности С. Ф. Ольденбурга. Мы бы только остереглись называть такой подход просто «социологическим».

Интересовала Ольденбурга и проблема церкви. «Буддийские легенды при постоянном сравнении их с буддийскими догматами ясно покажут нам, как буддизм, попытавшись вступить в борьбу с брахманской церковностью и обрядностью, весьма быстро перешел к тому, против чего он боролся, т. е. создал церковь, которая неминуемо связала его с обрядностью», — отмечал он⁹³. И далее: «Буддийская церковь, изменившая своему принципу быть наставницей, руководительницей народа и пожелавшая заменить собою его жрецов, неминуемо должна была уступить тем, кто за тысячелетие до нее уже были жрецами индийского народа — брахманами. И от буддизма в Индии остались лишь развалины великолепных храмов, и лики его учителей и святых, принимаемые за брахманских богов, служат ныне предметом поклонения толпы, никогда и не слышавшей священного имени Будды»⁹⁴.

⁹⁰ Этой проблематикой особенно много занимаются во Франции и других странах историки, примыкающие к школе «Анналов». См., в частности: *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

⁹¹ См.: *Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII—XIII вв., преимущественно в Италии. Пг., 1915; 2-е изд. СПб., 1997.

⁹² *Вигасин А. А.* С. Ф. Ольденбург. С. 413–414.

⁹³ *Ольденбург С. Ф.* Буддийские легенды и буддизм. С. 158.

⁹⁴ Там же. С. 165. Щербатской также писал о превращении позднейшего буддизма в «пышную, католическую религию» (Щербатской (1935). С. 29). Ср. замечания по этому поводу, с которыми можно поспорить: *Серебряный С. Д.* О советской парадигме (Заметки индолога). М., 2004. С. 30.

В замысел С. Ф. Ольденбурга входило и изучение влияния буддизма на искусство, в частности, отражение тематики джатак в индийском изобразительном искусстве. В статье, положившей начало его занятиям буддийским искусством и иконографией, Ольденбург идентифицировал сюжеты некоторых произведений индийской скульптуры⁹⁵. Углубленная разработка этой темы в сочетании с изучением народной культуры, а также миграции сюжетов и мотивов, могла бы проложить новые пути в области сравнительной мифологии и сравнительного искусствознания⁹⁶.

Ф. И. Щербатской позднее, впрочем, полагал, что для осуществления работы, задуманной Ольденбургом, время тогда еще не пришло. В докладе, прочитанном вскоре после смерти С. Ф. Ольденбурга, он говорил: «Молодой и неопытный ученый легко мог остановить свой выбор на такой задаче, которая по самому существу своему разрешению в данный момент не подлежала. Так и случилось. С. Ф. остановил свой выбор на исследовании индийского фольклора. <...> Но область индийского фольклора при ближайшем знакомстве оказалась столь обширной, океан индийской сказочной литературы оказался столь глубоким, что в нем можно было только потонуть <...> Крупной исследовательской работы, которую С. Ф. предполагал написать, ему сделать не удалось. Ему пришлось ограничиться пересказом содержания двух индийских сборников сказок. Это всего менее вина С. Ф., это вина самой темы, которая не могла быть разрешена без целого ряда долгих подготовительных работ. В таком же положении оказались и проф. Якоби и сам проф. И. П. Минаев, и им пришлось ограничиться изданием материала для будущих исследователей, путем собирания и пересказа ряда сказочных сюжетов»⁹⁷.

Как бы то ни было, приходится признать, что событием в науке диссертация С. Ф. Ольденбурга не стала. Недоброжелатели позднее охотно вспоминали это. Но если припомнить магистерские диссертации

⁹⁵ *Ольденбург С. Ф.* Заметки о буддийском искусстве. О некоторых скульптурных и живописных изображениях буддийских джатак // *Восточные заметки*: Сб. ст. СПб., 1895. С. 337–365.

⁹⁶ Ср. интересную работу более позднего времени: *Тревер К. В.* *Сэнмурв-Паскудж: собака-птица*. Л., 1937.

⁹⁷ Щербатской (1935). С. 25.

некоторых учителей и старших современников Ольденбурга, то мы должны будем признать, что и они по жанру и объему производят, с позднейшей точки зрения, довольно скромное впечатление⁹⁸. По-видимому, в тогдашней российской ориенталистической среде магистерская диссертация долгое время рассматривалась как своего рода «заявка на будущее», чем и объясняется энергичное давление Минаева и Розена на Ольденбурга, чтобы он возможно скорее представил свою работу, пусть даже в «минималистском» варианте.

Через два года после защиты диссертации, 1 января 1897 г. С. Ф. Ольденбург по представлению факультета был назначен профессором санскритской словесности Петербургского университета и официально возглавил, таким образом, университетскую индологию. С 1898 по 1905 г. он был также секретарем Восточного отделения Русского Археологического общества, председателем которого («управляющим», по тогдашней терминологии) с 1885 г. являлся В. Р. Розен.

В 1890-е гг. научная работа С. Ф. Ольденбурга развертывалась в нескольких направлениях. В русле начатого ранее изучения буддийского фольклора и искусства он опубликовал две небольшие статьи⁹⁹. По свидетельству Ф. И. Щербатского, «им был проработан весь колоссальный эпос “Махабхарата” размером более 800 000 стихов»¹⁰⁰. Продолжал С. Ф. Ольденбург и занятия иранистикой, опубликовав в связи с изучением миграции сказочных сюжетов весьма солидную текстологическую работу о персидской прозаической версии «Синдбада»¹⁰¹.

23 мая 1899 г. Ольденбург и Розен были официальными оппонентами на защите в Петербургском

⁹⁸ См., в частности: *Розен В. Р. Древнеарабская поэзия и ее критика*. СПб., 1872. 81 с. Ср. позднейшую самооценку Розена: «Первый грех молодости. Особенных глупостей в ней нет, но серьезного научного значения не имеет» (Памяти акад. В. Р. Розена: Сб. ст. М.; Л., 1947. С. 132).

⁹⁹ *Ольденбург С. Ф.* 1) Сцена из легенды царя Ашоки на гандхарском фризе // ЗВОРАО. 1896. Т. IX. С. 274–275; 2) К вопросу о Махабхарате в буддийской литературе // Там же. 1897. Т. X. С. 195–196.

¹⁰⁰ Щербатской (1934). С. 18.

¹⁰¹ См.: *Ольденбург С. Ф. О персидской прозаической версии «Синдбада»* // Сборник статей учеников профессора барона В. Р. Розена ко дню 25-летия его первой лекции. 1872–1897. СПб., 1897. С. 253–278.

университете магистерской диссертации Н. Я. Марра «Сборники притч Вартана. Материалы для истории средневековой армянской литературы», которая в основе своей выросла в кругу идей и методов Розена и Веселовского. Выступление Ольденбурга не было опубликовано, но спустя много лет Марр вспоминал запомнившееся ему замечание, которое он считал очень важным для себя: «Памятная мысль востоковеда С. Ф. Ольденбурга была формулирована в виде вопроса: “почему изучаемая Вами средневековая литература трактуется как восточная, когда она, по многим устанавливаемым у Вас данным, и западная, не менее западная, чем восточная?”»¹⁰².

В эти же годы С. Ф. Ольденбург открыл для себя новую тематику, которой потом с разной степенью интенсивности занимался до конца жизни. Речь идет об изучении буддийских памятников области, которую тогда называли Центральной Азией, Сериндией или Китайским Туркестаном (приблизительно соответствует китайской провинции Синьцзян). Русский генеральный консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский в 1880-е — 1890-е гг. присылал в Петербург найденные им фрагменты рукописей на разных языках, дешифровкой и интерпретацией которых и занялся Ольденбург в серии работ¹⁰³. Они высоко оцениваются современными специалистами, особенно публикация и исследование рукописи на бересте с фрагментом пракритской «Дхармапады», «едва ли не самой древней из сохранившихся индийских рукописей»¹⁰⁴.

В 1897 г. по инициативе С. Ф. Ольденбурга в Петербурге было основано большое международное издание «*Bibliotheca Buddhica*. Собрание оригинальных и переводных буддийских текстов». Проект многотомной серии,

¹⁰² *Марр Н. Я.* Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия. С. 12–13.

¹⁰³ *Ольденбург С. Ф.* 1) Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII. С. 47–67; 1899. Т. XI. С. 207–264 (переизд.: Памятники индийской письменности из Центральной Азии. С. 34–74); 2) Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами кхароштри. СПб., 1897. 6 с., 2 л. табл.

¹⁰⁴ *Вигасин А. А.* С. Ф. Ольденбург. С. 411. См. также: *Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э. Н.* Об исследовании памятников индийской письменности из Центральной Азии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ, 1968. С. 105–117.

разработанный Ольденбургом и принятый Академией наук, предусматривал научное издание текстов, относящихся к истории «северного буддизма», на санскрите, китайском, тибетском и монгольском языках. В этом предприятии приняли участие наряду с крупнейшими русскими ориенталистами Ф. И. Щербатским, В. В. Радловым, Б. Я. Владимирцовым, С. Е. Маловым, О. О. Розенбергом, А. А. Сталь-Гольштейном, Е. Е. Обермиллером выдающиеся западные ученые С. Бендалл, С. Леви, Л. Фино, Л. де ла Вале-Пуссен, Г. Керн, А. Грюнведель и др. Тексты были снабжены введениями и научным аппаратом по преимуществу на английском, французском или немецком языках. «*Bibliotheca Buddhica*» выходила до 1937 г., составив 30 томов в более чем 100 выпусках. С. Ф. Ольденбург был редактором этого получившего мировую известность издания, и, по словам Ф. И. Щербатского, «ни один лист не вышел без его внимательной и иногда даже придирчивой корректуры»¹⁰⁵.

Но С. Ф. Ольденбург оставался, конечно, верен своей натуре и жизненной программе и наряду с научной работой много занимался общественной деятельностью и просветительством. Он был убежденным сторонником женского образования и многие годы являлся членом комитета Высших женских (Бестужевских) курсов. Бестужевка 1890-х гг. О. А. Добиаш-Рождественская, ставшая впоследствии блестящим исследователем западного Средневековья, вспоминала, что отстаивать существование курсов в период наступления реакции при Александре III удалось с большим трудом: «С. Ф. был членом комитета ВЖК этой победоносной весны, его душою и большим научным авторитетом. Этот высокий и любимый авторитет — комитетские дамы, как и курсистки, обожали С. Ф., — часто был маяком, светившим мысли и воле женского руководства ВЖК»¹⁰⁶.

Общественная жилка С. Ф. Ольденбурга проявилась и в том, что он не раз откликнулся в печати на заинтересовавшие его произведения современной

¹⁰⁵ Щербатской (1934). С. 19–20; ср.: *Бонгард-Левин Г. М.* Индологическое и буддологическое наследие С. Ф. Ольденбурга. С. 38–39; *Вигасин А. А.* С. Ф. Ольденбург. С. 411–412.

¹⁰⁶ *Добиаш-Рождественская О. А.* Воспоминания о С. Ф. Ольденбурге // *Добиаш-Рождественская О. А.* Культура западноевропейского Средневековья. Научное наследие / Сост. Б. С. Каганович. М., 1987. С. 224.

французской и английской литературы¹⁰⁷ и даже перевел на русский язык несколько рассказов Р. Киплинга и А. Франса¹⁰⁸. Ряд статей, опубликованных им в эти годы, адресован широким кругам интеллигенции, которой он хотел привить достоверные знания об Индии и буддизме. Можно назвать в этой связи такие его статьи, как «Женщины-буддистки», «Действительно ли буддизм проникнут пессимизмом?», «Современный индийский святой»¹⁰⁹. Ольденбург также систематически выступал против нападков на буддизм представителей православного духовенства, обличавших его как «лжеучение»¹¹⁰.

Здесь следует уточнить одно обстоятельство. В мемуарной литературе, принадлежащей людям, не очень хорошо знавшим Ольденбурга, его нередко называли «буддистом», определение это иногда приходится встречать и в исторических трудах. С. Ф. Ольденбург, как явствует из многих его высказываний, вообще не был религиозным человеком, и речь могла идти только о принятии им некоторых этических принципов буддизма, вне связи с каким-либо вероучением. Сказанному не противоречит и то, что С. Ф. Ольденбург, наряду с В. В. Радловым и Ф. И. Щербатским, после 1905 г. поддерживал строительство буддийского храма в Петербурге. Как справедливо пишет современный автор, для русских востоковедов «с постройкой храма связывалась возможность непосредственного изучения живой

¹⁰⁷ См., например: *Ольденбург С. Ф.* Из современной литературы (Впечатления читателя) // Русское богатство. 1901. № 7. С. 1–24.

¹⁰⁸ *Киплинг Р.* Чудо Пуран Багата: Рассказ / Пер. и примеч. С. Ольденбурга // Мир Божий. 1897. № 6. С. 79–93; *Франс А.* Мессер Гвидо Кавальканти / Пер. С. Ольденбурга // Начало. 1899. № 5. С. 130–138; *Франс А.* Блаженная Схоластика / Пер. С. Ольденбурга // Вопросы жизни. 1905. № 12. С. 1–4.

¹⁰⁹ *Ольденбург С. Ф.* 1) Женщины-буддистки // Русская мысль. 1899. № 1. С. 101–115; 2) Действительно ли буддизм проникнут пессимизмом? (Речь на акте в С.-Петербургском университете) // Отчет Императорского С.-Петербургского университета за 1898 г. СПб., 1899. С. 135–149; 3) Современный индийский святой // ЖМНП. 1900. № 6. С. 347–353.

¹¹⁰ *Ольденбург С. Ф.* <Рец.:> 1) Прот. Т. Буткевич. Как и зачем европейцы «делают буддизм»? // ЗВОРАО. 1901. Т. XIII. С. 52–61; 2) «Обличение» ламаизма: Иеромонах Мефодий. Буддийское мировоззрение, или ламаизм, и обличение его // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 5(65). С. 1016–1024.

буддийской традиции»¹¹¹, не говоря уже о том, что эти ученые, несомненно, придерживались демократических принципов свободы совести. Черносотенная печать, стоявшая в данном вопросе правее правительства, разрешившего (главным образом исходя из внешнеполитических соображений) строительство «буддийской молельни», обрушилась на «пособников распространения ложной веры». 20 августа 1912 г. Ольденбург писал сыну: «Вчера днем был на постройке буддийского храма, причем узнал от Ухтомского, что “Колокол” или какая-то газета в том же духе предлагала отлучить Щербатского и меня от православной церкви»¹¹².

Как известно, в конце XIX в. в России усилилось недовольство широких кругов общества курсом самодержавия, не желавшего идти ни на какие уступки «духу времени» и приступить к жизненно необходимым политическим и социальным реформам. Кружок, в который входил С. Ф. Ольденбург, всецело разделял это недовольство, и члены его были причастны к ряду общественных инициатив. С начала 1899 г. высшие учебные заведения Петербурга были охвачены студенческими волнениями и забастовками. Летом 1899 г. Министерство народного просвещения уволило нескольких «неблагонадежных» профессоров и доцентов за сочувствие студенческому движению. В их числе был друг Ольденбурга И. М. Гревс и его хорошие знакомые историк Н. И. Кареев и литературовед С. А. Венгеров. Ольденбург в это время находился за границей, откуда писал В. Р. Розену: «Очевидно, что ввиду изгнания из университета людей, с которыми я вполне солидарен, я оставаться не могу и, как только вернусь, сделаю соответствующие шаги»¹¹³. 9 октября 1899 г. он подал прошение об отставке, которое было

¹¹¹ Андреев А. И. Из истории петербургского буддийского храма // *Минувшее*. Вып. 9. Париж, 1990. С. 382. Контакты Ольденбурга с представителями Далай-ламы способствовали значительному обогащению петербургских академических собраний тибетскими рукописями и ксилографами, буддийскими изображениями и предметами культа, а также приобретению нового тибетского шрифта для Академической типографии. См.: *Востриков А. И.* С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета // *Записки ИВАН*. 1935. Т. IV. С. 75.

¹¹² Цит. по: Хронологическая канва. Д. 46. Радлов как лютеранин не мог быть подвергнут такой каре.

¹¹³ Письмо от 17(29) августа 1899 г. — ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 496а. Л. 153.

удовлетворено высочайшим указом от 24 января 1900 г. Покинув университет, С. Ф. Ольденбург готов был уехать из Петербурга в провинцию, о чем его брат Федор писал И. М. Гревсу 29 августа 1899 г.: «От Сергея получил такой ответ, которого я ожидал и боялся... “Я ухажу, это решено, весь вопрос только как?”. Затем пишет и о том, что после ухода из университета он не связан с Петербургом и уйдет куда-нибудь в провинцию, все равно за каким-нибудь заработком, просит начать ему приискивать хоть земскую статистику»¹¹⁴.

До этого, однако, дело не дошло. 24 ноября 1899 г. академики В. В. Радлов, В. П. Васильев, К. Г. Залеман и В. Р. Розен выдвинули кандидатуру С. Ф. Ольденбурга в адъюнкты Академии наук по кафедре санскритологии, которую ранее занимал 85-летний академик Отто Бетлингк, многие годы живший в Германии и в связи с этим переведенный в почетные члены Академии. 8 декабря Ольденбург был единогласно избран в историко-филологическом отделении, 5 февраля 1900 г. 29 голосами против трех — в общем собрании. Это была первая ступень к избранию в академики, которое и последовало 15 января 1903 г. сначала в отделении, а 19 апреля — в общем собрании Академии¹¹⁵. Главным инициатором выдвижения Ольденбурга в академики, несомненно, был В. Р. Розен, который, как уже говорилось, не разделял политических взглядов своего ученика, но ценил его как ученого и человека и, вероятно, уже тогда видел в нем своего преемника в роли организатора сил русского востоковедения.

Недоброжелательно относившийся к Ольденбургу археограф В. Г. Дружинин писал в своих неизданных воспоминаниях: «Его полюбил профессор арабского языка барон В. Р. Розен, и хотя диссертация его магистерская не была особенно замечательной, но барон Розен провел его в адъюнкты Академии Наук. <...> Обладая более административными, чем научными способностями, он быстро прошел в непременные секретари»¹¹⁶. Последняя ремарка типична для недругов Ольденбурга.

¹¹⁴ Цит. по: *Гревс И. М.* Памяти Ф. Ф. Ольденбурга. — Там же. Ф. 726. Оп. 1. Д. 36. Л. 8.

¹¹⁵ См.: *Князев Г. А.* Первые годы С. Ф. Ольденбурга в Академии Наук. Стлб. 25–27.

¹¹⁶ *Дружинин В. Г.* Воспоминания. — РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 10. Л. 139–140. Академик Жебелев тоже писал, что «Ольденбург

После избрания академиком возможности научной работы С. Ф. Ольденбурга значительно расширились. Она шла в основном по тем направлениям, которые определились уже ранее. Теперь Ольденбург получил возможность поставить на твердую почву выпуск «*Vibliotheca Buddhica*», которая по-настоящему развернулась только с этого времени. Сам Ольденбург издал в этой серии альбом изображений буддийских божеств, привезенный в 1830 г. из Бурятии бароном П. Л. Шиллингом фон Канштадтом¹¹⁷. Это издание долгие годы являлось ценным справочником для исследователей буддийской иконографии.

В эти же годы С. Ф. Ольденбург выпустил еще несколько исследований по буддийскому искусству и иконографии¹¹⁸. В одной из этих статей он критически оценивал концепцию крупного немецкого индолога А. Грюнведеля, полагавшего, что индийское изобразительное искусство возникло под влиянием буддизма. По мнению Ольденбурга, искусство это гораздо более древнего происхождения, «было брахманским в широком смысле слова и выросло на почве эпического пантеона и местных культов»¹¹⁹. Современные исследователи склоняются к точке зрения русского ученого¹²⁰, тем более что в 1920-е — 1930-е гг. археологами были раскопаны древнейшие центры доарийской цивилизации Индийского полуострова Хараппа и Мохенджо-Даро (III–II тыс. до н. э.) с многочисленными скульптурными изображениями богов, животных и людей.

Интерес С. Ф. Ольденбурга к проблематике «северного буддизма» и культуре Сериндии выразился и в его

во многом обязан своей карьерой» Розену (*Жебелев С. А.* С. Ф. Ольденбург // ВДИ. 1993. № 3. С. 201).

¹¹⁷ Сборник изображений 300 бурханов. По альбому Азиатского музея / С примеч. издал С. Ф. Ольденбург. Ч. I. СПб., 1903. 108 с., 100 табл. (*Vibliotheca Buddhica*. Т. V).

¹¹⁸ См.: *Ольденбург С. Ф.* 1) Буддийское искусство в Индии // ИАН. 1901. Т. XIV, № 2. С. 215–225; 2) Буддийское искусство в Индии, Тибете и Монголии // ЖМНП. 1902. № 10. С. 369–381; 3) Материалы по буддийской иконографии // Сб. МАЭ. 1901. Т. 1, вып. 3. С. 1–10; 1903. Т. 1, вып. 4. С. 1–15; 4) Краткие заметки о некоторых непальских миниатюрах // ЗВОРАО. 1904–1905. Т. XVI. С. 213–223.

¹¹⁹ *Ольденбург С. Ф.* Буддийское искусство в Индии. С. 218.

¹²⁰ См., например: *Сидорова В. С.* Художественная культура Древней Индии. М., 1972. С. 15–27; *Тюляев С. И.* Искусство Индии. М., 1988. С. 68–75.

многочисленных откликах на новейшие исследования в этой области. Ему принадлежит, в частности, обширная статья по поводу знаменитых раскопок в Хотане А. Стейна с подробным обзором предшествующих экспедиций¹²¹ и печатавшаяся на протяжении пяти лет в «Журнале Министерства народного просвещения» серия рецензий на новую литературу о Тибете, в которых автор касался и некоторых актуальных политических вопросов, связанных с англо-русским соперничеством в Тибете¹²².

В 1903 г. С. Ф. Ольденбург начал публиковать одно из своих наиболее известных исследований «Фаблю восточного происхождения», связанное еще с замыслом его магистерской диссертации¹²³. Знаменитый французский филолог-романист Ж. Бедье в книге, посвященной фаблю — французским средневековым новеллам в стихах, подверг критике популярные в то время представления о восточном происхождении сюжетов фаблю, доказывая, что сходные сюжеты могут возникать независимо друг от друга¹²⁴. Ольденбург, как мы знаем, вовсе не был приверженцем всех положений «индийской теории» Бенфея и находил ее критику Бедье во многом справедливой. Но он считал необходимым конкретное и методически выдержанное изучение материала во всей его доступной полноте. В своих статьях Ольденбург привел и проанализировал многочисленные восточные (арабские, персидские, индийские) параллели к трем известным французским фаблю XII–XIII вв., которые по большей части остались неизвестными Бедье. Восточные новеллы были более ранними по времени и обнаруживали такую детальную близость с западными, которая, по мнению Ольденбурга, не могла быть результатом совпадений

¹²¹ *Ольденбург С. Ф.* Исследования памятников старинных культур Китайского Туркестана. I. Южная часть Китайского Туркестана // ЖМНП. 1904. № 7. С. 366–397.

¹²² См.: *Ольденбург С. Ф.* 1) Новейшая литература о Тибете // Там же. № 11. С. 129–168; 2) Англо-китайский поход в Тибет 1904 г. // Там же. 1905. № 7. С. 197–227; № 9. С. 134–150; 3) Новые книги о Тибете // Там же. 1906. № 8. С. 318–327; 1907. № 9. С. 244–262; 1908. № 1. С. 219–233; 1909. № 5. С. 167–178. Ср.: *Востриков А. И.* С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета. С. 74–80.

¹²³ *Ольденбург С. Ф.* Фаблю восточного происхождения // ЖМНП. 1903. № 4. С. 217–238; 1906. № 10. С. 221–238; 1907. № 5. С. 46–82.

¹²⁴ М.: *Bedier J.* Les Fabliaux. Études de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen age. Paris, 1893; 5 éd. rev. Paris, 1925.

и делала весьма вероятным влияние первых на вторые в период оживленных культурных контактов между Западом и Востоком в эпоху крестовых походов. Задачей науки, полагал он, было бы выяснить конкретные пути и носителей этих влияний. Полемику Ольденбурга с Бедье академик И. Ю. Крачковский позднее назвал «в своем роде эпохальной», а известный фольклорист М. К. Азадовский считал позицию Ольденбурга безупречно обоснованной, отмечая в качестве примера, что Бедье знал только одну восточную версию фавла «Констан дю Гамель», а Ольденбург обнаружил их пятнадцать¹²⁵.

С. Ф. Ольденбург, разумеется, и в эти предгрозовые годы продолжал внимательно следить за политической жизнью в России и принимал участие в демократическом движении. Реакционный характер политики Николая II становился все более очевидным и вызывал все большее недовольство различных групп населения. Летом 1903 г. в Швейцарии состоялась встреча русских общественных деятелей, на которой был создан «Союз Освобождения», поставивший своей целью борьбу за конституцию и политические свободы. От «приютинцев» в совещании приняли участие Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский и И. М. Гревс¹²⁶. С. Ф. Ольденбург непосредственного участия в создании «Союза Освобождения» не принимал, но, несомненно, всецело разделял его цели и поддерживал его деятельность.

Ольденбург стремился быть в курсе всех важнейших событий интеллектуальной и культурной жизни своего времени. «Здесь Короленко, и во вторник с ним обедаю у Анненских», — сообщал он в Тверь своему пятнадцатилетнему сыну 22 февраля 1903 г.; ему же 16 марта 1903 г.: «На выставке “Мира искусства” два очаровательных портрета девочек работы Серова»; 20 марта 1903 г.: «Обедал у Розена. Читал немного 2-ю книжку журнала “Новый Путь”, она как-то бледнее 1-й»¹²⁷. Как видим, мимо внимания ученого не прошли ни «Мир искусства», ни зарождение символизма,

¹²⁵ См.: Азадовский М. К. 1) С. Ф. Ольденбург как фольклорист. С. 25–30; 2) С. Ф. Ольденбург и русская фольклористика. С. 32–33.

¹²⁶ Ср.: Galai S. The Liberation Movement in Russia 1900–1905. Cambridge, 1973. P. 173; Шаццлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 158.

¹²⁷ Цит. по: Хронологическая канва. Д. 45.

ни возникновение Религиозно-философских собраний, органом которых был журнал «Новый путь».

Много сведений о жизни и настроениях С. Ф. Ольденбурга по-прежнему находим в его переписке с В. Р. Розеном. В Петербурге они постоянно встречались, и письма, очевидно, относятся к периодам, когда кто-либо из них отсутствовал в городе. Ольденбург сообщал Розену о происходящих событиях, о своей работе, о здоровье матери и сына, комментировал наиболее важные из прочитанных книг.

«Витте, кажется, совсем заробел», — писал он Розену 9 апреля 1903 г.¹²⁸ «В Твери бесконечные аресты и обыски — арестовывают даже старых и почтенных людей», — читаем в другом письме¹²⁹. 20 сентября 1903 г. Ольденбург записал в дневнике, передавая, по всей вероятности, курсировавшую в городе остроу: «Витте ушел обезображен, оплеван, оплескан и без портов»¹³⁰. Как известно, отставка С. Ю. Витте с поста министра финансов в августе 1903 г. была связана с разногласиями в области дальневосточной политики, где ему противостояла группа во главе с А. М. Безобразовым; главным противником Витте был министр внутренних дел В. К. Плеве, а его преемником в должности министра финансов стал Э. Д. Плеске; незадолго до отставки из ведения Витте были изъяты морские торговые порты¹³¹. Характерна другая дневниковая запись Ольденбурга, от 26 января 1904 г., связанная с началом Русско-японской войны: «Война! По-видимому, началось. Жутко и больно. Странно, вместе с тем — страшно хочется, чтобы нас не разбили, хочется побед нашим»¹³².

Можно не сомневаться, что Розен иначе, чем Ольденбург, оценивал развертывающееся антисамодержавное движение. Еще 2 февраля 1901 г., после покушения на министра просвещения Н. П. Боголепова, он писал Ольденбургу: «Одна только надежда, что это дело наконец откроет глаза баранам (из профессоров и студен-

¹²⁸ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 558. Л. 2.

¹²⁹ Письмо от 20 августа 1903 г. Там же. Ф. 208. Оп. 3. Д. 496а. Л. 173.

¹³⁰ Цит. по: Хронологическая канва. Д. 45.

¹³¹ См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999. С. 127–132.

¹³² Цит. по: *Серебряков И. Д.* Непременный секретарь АН С. Ф. Ольденбург. С. 223.

тов) на то, куда их ведут их командиры-мерзавцы»¹³³. В последующие годы, по мере нарастания революционных событий, Розен еще более «поправел»¹³⁴.

Учитель и ученик, однако, сошлись (хотя и с некоторыми нюансами) в оценке только что вышедшего первого тома «Курса русской истории» В. О. Ключевского. 10–11 июля 1904 г. Ольденбург сообщал Розену: «Читаем мы, кроме того, “Русскую историю” Ключевского, 1 том печатного курса — очень умная книга и осторожная. Знаете ли Вы ее?»¹³⁵. Розен, подавленный ходом войны с Японией (о положении дел он мог знать более подробно от своего брата Р. Р. Розена, который накануне войны был русским посланником в Японии), падением престижа России на Кавказе и другими событиями, писал Ольденбургу 2 августа 1904 г.: «С отчаяния я опять начал перечитывать 2-ю часть “Фауста” и по-прежнему ничего не понял в этой белиберде старого гения. Зато с большим удовольствием прочитал 1-ю часть курса Ключевского. Это действительно очень умная и продуманная книга с начала до конца, и более чем желательно, чтобы продолжение ее вышло поскорее»¹³⁶.

В 1904 г. произошло событие, сыгравшее решающую роль в жизни С. Ф. Ольденбурга и очень важную — в истории Российской Академии наук. В июне 1904 г. умер непреременный секретарь Академии Н. Ф. Дубровин. Среди части академиков родилась идея сделать его преемником С. Ф. Ольденбурга. 6 августа 1904 г. Ольденбург писал Розену: «Видел еще Фаминцына. <...> От него и от Залемана и Радлова узнал, что говорят о моей кандидатуре в непреременные. Что Вы думаете об этом?»¹³⁷. Розен, очевидно, поддержал эту идею, потому что через неделю, 13 августа, Ольденбург писал ему: «Конечно, я помню наш разговор, но тогда это было теоретическое решение, а теперь это действительность. <...> Более близкого человека, чем

¹³³ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 496а. Л. 71.

¹³⁴ Ср. колоритные детали о Розене: *Толстой И. И.* Дневник 1906–1916. СПб., 1997. С. 35–36, 83, 151, 161, 178; *Крачковский И. Ю.* Воспоминания ученика о бароне В. Р. Розене (1901–1908) / Публ. А. А. Долининой // *Очерки по истории Санкт-Петербургского университета.* СПб., 2000. Т. VIII. С. 258–259, 275–277.

¹³⁵ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 558. Л. 23.

¹³⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 3. Д. 496а. Л. 99.

¹³⁷ Цит. по: Хронологическая канва. Д. 45.

Вы, и лучше меня знающего, у меня нет в Академии, оттого я и написал»¹³⁸. Поддержал кандидатуру Ольденбурга и вице-президент Академии П. В. Никитин, судя по его письму к Розену от 2 июля 1902 г., в котором он замечал, что не устает «любоваться на его (Ольденбурга. — *Б. К.*) неустанную деловитость, а еще больше на — не знаю, как бы вернее сказать, — на ангельскую чистоту и благость его натуры»¹³⁹. 2 октября 1904 г. на общем собрании Академии наук С. Ф. Ольденбург был избран непременным секретарем Академии, став, таким образом, одним из ее руководителей. Эту должность он занимал в течение 25 лет.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Цит. по: *Басаргина Е. Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин. СПб., 2004. С. 189.

Глава 3
**Непременный секретарь
Императорской Академии наук
1904–1916**

Начало деятельности С. Ф. Ольденбурга в качестве непременного секретаря Академии наук практически совпало с революционными событиями 1905–1906 гг. Конечно, он принимал участие в протестах либерально-демократической интеллигенции накануне революции. Одним из заметных ее выступлений в этот период была опубликованная в газетах вскоре после 9 января 1905 г. «Записка о нуждах просвещения», подписанная 342 учеными и преподавателями высшей школы (позднее общее число подписей под ней достигло 1500). В «Записке» с необычайной по тому времени резкостью заявлялось, что «наш режим представляет собою общественное и государственное зло», препятствующее развитию просвещения и науки, и выдвигалось требование «полных и коренных преобразований государственного строя России» на началах политической свободы, законности и народного представительства¹⁴⁰. Записку подписали 17 академиков, т. е. более половины наличного состава Академии наук. В их числе были такие выдающиеся ученые, как академики А. А. Марков, А. С. Фаминцын, Н. Н. Бекетов, А. М. Ляпунов, А. А. Шахматов, А. Н. Веселовский, В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Радлов и другие (а также будущие академики И. П. Павлов и В. И. Вернадский). Подписал записку и Ольденбург.

Президент Академии наук великий князь Константин Константинович разослал подписавшим эту декларацию академикам циркулярное письмо, в котором, упрекая их в том, что вместо науки они занимаются политикой,

¹⁴⁰ Отд. изд.: Записка о нуждах просвещения (342 ученых). СПб., 1905.

прибегнул к характерному для властей аргументу: «Не отвлекаясь рассуждениями о необходимости начала политической свободы, деятели ученых и высших учебных учреждений должны бы сперва освободиться от казенного содержания, коим пользуются от порицаемого ими правительства»¹⁴¹. Ольденбург в письме президенту ответил на этот упрек: «Я не только академик, а и человек и гражданин, и мне неизвестен такой закон, и смею утверждать, что его нет, который запрещал бы мне высказывать открыто свои взгляды на просвещение в России»¹⁴². В дневнике Константина Константиновича 22 февраля 1905 г. зафиксирован «наинеприятный разговор» с Ольденбургом по поводу этого письма: «Расстались мы с Ольденбургом очень холодно и сухо»¹⁴³. Однако 5 марта, выступая в общем собрании Академии, великий князь принес полуизвинение, заявив: «Было бы прискорбно, если бы в моем письме вы прочли что-либо исключаящее мое личное уважение к каждому из вас»¹⁴⁴.

Когда после манифеста 17 октября 1905 г. в России были легализованы политические партии, С. Ф. Ольденбург, как и почти все «приютинцы», вступил в члены Конституционно-демократической партии (кадетской). Некоторые из них заняли в партии видное положение: Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, А. А. Корнилов были членами Центрального комитета, Ф. Ф. Ольденбург стал руководителем Тверского губернского комитета партии, Шаховской был избран в 1-ю Государственную Думу и являлся ее секретарем. С. Ф. Ольденбург, вероятно, ввиду его положения в Императорской Академии наук, в руководящие органы партии не избирался, но его кадетство было общеизвестно. Характерен следующий эпизод. Когда летом 1906 г. в Россию приезжал французский

¹⁴¹ Цит. по: *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд. М.; Л., 1964. С. 63.

¹⁴² Цит. по: *Романовский С. И.* А. П. Карпинский. Л., 1981. С. 306–307.

¹⁴³ Из дневника Константина Романова (1904–1906 гг.) // Красный архив. 1931. Т. 1(44). С. 128. Запись этого разговора, сделанную С. Ф. Ольденбургом сразу же по его окончании, см.: *Князев Г. А.* Порицание академикам за участие в «Записке 342 ученых» // ВАН. 1931. №4. Стлб. 15–16.

¹⁴⁴ Цит. по: *Соболев В. С.* Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915. СПб., 1993. С. 69.

этнолог и социолог Марсель Мосс, считающийся ныне одним из классиков науки XX в., Сильвен Леви рекомендовал его своему другу Ольденбургу. Мосс был радушно принят в Петербурге, занимался в академическом Музее антропологии и этнографии, познакомился с его руководителями В. В. Радловым и Л. Я. Штернбергом, а также через Ольденбурга встретился со многими деятелями либеральной оппозиции и привез в Париж экземпляр «Выборгского восстания», выпущенного после роспуска 1-й Государственной Думы¹⁴⁵.

Очень важным и интимным документом для понимания как политических позиций С. Ф. Ольденбурга, так и его личности в целом являются его письма к сыну Сергею, которые именно с 1905–1906 гг. становятся особенно интересными и содержательными.

Здесь необходимо несколько подробнее сказать о Сергее Сергеевиче Ольденбурге (1888–1940), поскольку отношения с сыном составляли одну из самых трудных и болезненных проблем в жизни Сергея Федоровича.

Единственный сын С. Ф. Ольденбурга Сергей лишился матери в возрасте трех лет и был воспитан отцом и бабушкой. В детстве он много и тяжело болел, у него были слабое сердце и туберкулез, его возили на заграничные курорты, а впоследствии часть года он жил с бабушкой в Твери, вдали от петербургского климата. «Вся жизнь, весь покой С. Ф. зависели от состояния здоровья Сережи», — писала Е. Г. Ольденбург¹⁴⁶. К 14 годам мальчик знал три языка, отец сам читал с ним латинских классиков. Дочь С. С. Ольденбурга Зоя, которая в своих мемуарах откровенно описывает тяжелые отношения между своими родителями, многие черты отца объясняет «нелепым воспитанием»: «До 18 лет ему были запрещены малейшие усилия, малейшее напряжение. <...> Мама рассказывала: “Однажды он был у нас, вдруг приходит Сергей Федорович, запыхавшийся, взволнованный... — Что случилось? — Сережа забыл калоши, я их ему принес”. <...> В Петербурге он развлекался тем, что пугал отца всевозможными глупостями. <...> Он никогда не ходил в школу — боялись микробов. Целые годы он скучал дома, между отцом и бабушкой»¹⁴⁷. Сходную картину

¹⁴⁵ См.: *Correspondances orientalistes*. P. 123.

¹⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 55.

¹⁴⁷ *Oldenbourg Z. Visages d'un autoportrait*. P. 199.

рисует Н. Е. Вернадская в письме к Е. Г. Ольденбург: «Как знать, каких бы чудачеств и упрямств избежал Сережа, так рано лишившийся матери, если бы его детство и юность протекали под иным влиянием, нежели как исключавшее всякую доверчивость давление хоть и умной, но сумасбродной бабушки? Я-то вправе сказать это, близко зная Сережины те годы. С болью поныне вспоминается, какую макиавелльевскую политику обороны проводил умный 10-летний хитрец с дряхлеющей в чудачествах бабушкой, — не скрывая даже этого вовсе от нас с Машей»¹⁴⁸.

Сдав экзамены за гимназический курс, С. С. Ольденбург поступил на юридический факультет Московского университета. «Нескладный молодой человек, беспечный, мечтательный, романтический, несколько циничный, помешанный на литературе, поэт, прозаик, исповедующий правые взгляды, пытающийся заниматься журналистикой», — так изображает своего отца в молодые годы Зоя Ольденбург¹⁴⁹. К ужасу отца, сын стал ярым сторонником Столыпина и октябристом. По словам дружившего с Сергеем Сергеевичем Г. В. Вернадского, «политикой он очень интересовался, но, в противоположность приютинцам, был убежденным монархистом и студентом еще поступил в умеренно-правый “Союз 17 октября”»¹⁵⁰.

В споре с сыном политические убеждения С. Ф. Ольденбурга и их моральная и человеческая основа выразились ярче и глубже, чем где-либо. С. Ф. Ольденбург считал злом революционное насилие и хаос, но главную вину за них возлагал на самодержавие, которое препятствовало переходу России к правовому и демократическому строю и проведению необходимых социально-экономических преобразований. 6 января 1907 г. по поводу рассуждений сына о том, что сперва надо покончить с революцией, а потом уже проводить реформы, С. Ф. Ольденбург писал ему: «Что такое революция в России? Это состояние народной психологии, вызванное всем предшествующим режимом, с одной стороны,

¹⁴⁸ Письмо от 28 апреля 1935 г. — ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 17. Л. 69. Маша — М. С. Гревс, двоюродная сестра Н. Е. Вернадской.

¹⁴⁹ *Oldenbourg Z. Visages d'un autoportrait.* P. 197.

¹⁵⁰ *Вернадский Г. В. Из воспоминаний. Годы учения // Новый журнал.* 1970. № 100. С. 202.